

2
КРАСНАЯ
ФРОНТА

Безработные квартирнаниматели в Амстердаме (Голландия) подняли бунт против повышения квартирной платы, отказались платить за занимаемую ими площадь. Судебные исполнители, прибывшие выселять бедняков, были оштрафованы и изгнаны. Полиция не смогла привести в повиновение разбушевавшиеся рабочие кварталы. На снимке: слева, у верхнего балкона—плакаты голландского союза красных фронтовиков

ВНИМАНИЮ ВРАЧЕЙ И ЛЕЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

АЛЛИСАТ

КОРРЕЛИЗОВАННЫЙ ПРЕПАРАТ

ЧЕСНОЧНОЙ ВЫТЯЖКИ

Allilsat

(Essentia Allii Sativi)

ПОКАЗАН К ПРИМЕНЕНИЮ НА БОЛЬНЫХ С ОБЩИМ АРТЕРИОСКЛЕРОЗОМ С ГИПЕРТОНИЕЙ И БЕЗ ГИПЕРТОНИИ, ПРИ АТОНИИ КИШЕЧНИКА, КОЛЛИКАХ С НЕБЛОННОСТЬЮ К ЗАПОРМ И ПРИ ЯВЛЕНИЯХ СЕРДЕЧНОЙ АСТМЫ.

АЛЛИСАТ ПРОВЕРЕН ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО И С УСПЕХОМ ИСПЫТАН КЛИНИЧЕСКИ В МОСКОВСКИХ ЛЕЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

ПРОДАВА ПО ВСЕМ АПТЕКАМ
При отсутствии в аптеке можно по почте, оплата в 80% коплатой. Контроль "ГЗМ". Москва, Смоленская, 26.

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАЯ ФАБРИКА
ГАЛЕН-МОСКВА
МОСКВА 55 БАШНЕВСКАЯ
ВЫШЕСЛАВЦЕВ №6

ЛЕЧЕБНИЦЫ И ЛЕЧЕБНЫЕ ПРЕПАРАТЫ

У. С. С. Р.

Народный Комиссариат Здравоохранения и Харьковское Медицинское Об-ще-е ВСЕУКРАИНСКИЙ ИНСТИТУТ ЭНДОКРИНОЛОГИИ И ОРГАНОТЕРАПИИ Харьков, ул. Армена 10-12.

ВЫРАБАТЫВАЕТ СПЕРМОЛЬ

(ВЫТЯЖКИ ИЗ СЕМЕННЫХ ЖЕЛЕЗ)

во флаконах принимать каплями, в таблетках принимать в табл., в ампулах для подкож. впрыск. Показан к применению при общей слабости, ослабленной нервной системе, неврастении и как общее тонизирующее средство и др. Способ применения при каждом препарате. Продажа во всех аптеках и магазинах Союзгипнозы СССР. При отсутствии на местах обращаться: Харьков Тестральная пл. 7 УКРАИНСКОМУ КРАСНОМУ КРЕСТУ. ВЫСЫЛАЕТСЯ ПОЧТОЙ

ВЫЗОВ ВРАЧЕЙ НА ДОМ

ЛЕЧЕБНИЦА (ПОЛИКЛИНИКА) ВСЕРООБПОМА

ОХОТНЫЙ РЯД, 3 (у Дома союзов). Телефон 1-52-88 и 3-39-67 Прием врачами-специалистами всех граждан по всем специальностям с 8 часов утра до 9 часов вечера

- ЛАБОРАТОРИЯ (все виды медицинских анализов).
- РЕНТГЕН. ЭЛЕКТРО-СВЕТОВОЕ ЛЕЧЕНИЕ.
- ХИРУРГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ (ортоп., туб. костей, исправление дефектов лица, челюстей, неба, носа).
- ВНУТРЕННИЕ БОЛЕЗНИ (туб., бол. сердца, сосуд. болезни обмена вещ., бол. желудка и кишек и пр.).
- ЗУБОВРАЧЕБНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ (протезирование).
- ГИНЕКОЛОГИЯ И АКУШЕРСТВО (профилактика).
- КОЖНО-ВЕНЕРИЧЕСКОЕ И УРОЛОГИЧЕСКОЕ МОЧЕПОЛ. ОТДЕЛЕНИЕ. ЖЕНСКАЯ ГОНОРЕЯ.

Консультация и прием профессоров ежедневно.

ПРОМ. КООПЕРАТИВНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ МЕДРАБОТНИКОВ Г. МОСКВЫ СМОЛЕНСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА

Ул. Арбата и Смоленского рынка, д. 2/17, тел. 72-72. Прием по всем специальностям с 9 до 9 час. КАБИНЕТЫ: Зубоврачебный, Венерологический, Фтизо-туберкулезный, женская гонорея и др. Вызов врачей на дом по внутренним, детским и др. во ВСЯКОЕ ВРЕМЯ. ПЛАТА ПО ТАКСЕ.

САМОУЧИТЕЛЬ ПЕНИЯ

Вокально-вуз. грамота. Постановки и развитие голоса. Техника дыхания. Начальные упражнения. Цена 4 р.

САМОУЧИТЕЛЬ ИГРЫ НА СКРИПКЕ

Нотная грамота, наставления, упражнения и ноты. Цена 3 р. 75 к.

ПОЛНАЯ ПОВАРЕННАЯ КНИГА ДЛЯ ХОЗЯЕК

Най из любимых имеющихся продуктов экономно готовить разнообразные, сытные и вкусные блюда, также тесто и выпечку. Множество полезных советов. Цена с перес. 3 р.

ВСЕ РУКОДЕЛИЯ

Самочувствитель вышивальщи, вязальщи, плетельщи, ткачи. Ажурные и фидельные работы. КРОМКА И ШПТЬЕ. Починка и перделка. Книга имеет 848 рисунков. Цена 4 р. 50 к.

Адр.: Киев, Кооп. Т-во "ЛОГОС" ул. Воровского, 24/3, ящик 121.

КУРС СТЕНОГРАФИИ

Наиболее общедоступное руководство для самостоятельного изучения на дому по системе Габельсбергера. Цена 2 р. 80 к.

Н. Соколов

Стенография для всех. Цена 2 р. 25 к.

Д-р НИКОЛАНОВ

ПАМЯТЬ ЕЕ НЕДОСТАТКИ И МЕРЫ К ИХ УСТРАНЕНИЮ

Новое 2-е издание 1931 г. Под редакц. проф. ШЕВАЛОВА, с 14-ю рисунками. Цена 2 р. 25 к.

Проф. Т. И. ЮДИН

ЕВГЕНИКА Учение об улучшении природных свойств человека. Ц. 3 р.

Художественные ШРИФТЫ

под ред. Иерусалимского. Ц. 3 р. 50 к.

Пересылка за счет заказчика. Высылает книжный магазин "ПРОМЕТЕЙ" Москва, Г. С. П. 19, Моховая, 26.

А. Л. ГОЛЬДИН

КУРС БУХГАЛТЕРИИ ДЛЯ САМОУЧЕНИЯ

Полный курс в 2-х частях, дающий возможность вполне самостоятельно изучить бухгалтерию. Ц. полного курса (2 ч.) 7 р.

Проф. И. ШЕР

ТЕМЫ И ЗАДАЧИ ПО БУХГАЛТЕРИИ

(Для самообучения). Ц. за 2 ч. 6 р. 50 к.

А. Л. ГОЛЬДИН

КОММЕРЧЕСКИЕ ВЫЧИСЛЕНИЯ

Цена 3 р. 50 к.

ТЕХНИКА ВЫЧИСЛЕНИЙ

Упрощенные и механические способы вычислений с приложением таблиц. Цена 2 руб. 50 к.

Пересылка за счет заказчика. Высылает книжный магазин "ПРОМЕТЕЙ" Москва, Г. С. П. 19, Моховая, 26.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КИНОФИЛЬМ

выпущенных в 1931 году, с отзывом Главреперткомма и рабочей общественности о каждой кинофильме, даст картотека кинофильм, выпускаемая О-вом "ЗА ПРОЛЕТАРСКОЕ КИНО И ФОТО" (ОЗПКФ). Комплект 250 аннотаций стоит 12 руб. 50 коп. Высылка картотеки производится по получении полной стоимости комплекта ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНЫМ ОБЪЕДИНЕНИЕМ

Журнально-газетное объединение
МОСКВА 6, Страстной бул. 11

СЕКАРОВСКАЯ ЖИДКОСТЬ

МОСКВА 53, 2-й ВЫШЕСЛАВЦЕВ ПЕР
ПРИ ОТСУТСТВИИ В АПТЕКАХ ЗАКАЗЫ ИСПОЛНЯЮТСЯ ПО ПОЛУЧЕНИИ ЗАДАТКА В 50%, ПОСЫЛОЧНОЙ КОНТОРОЙ "ГУМ" Москва, Москворецкая, 25.

ПОЛЬЗА объявлений в "ОГОНЬКЕ" ГАРАНТИРОВАНА исключительным тиражом журнала.

НА УЛИЦАХ РАБОЧЕГО ГАМБУРГА

Рабочий Гамбург — старый город, с узкими улочками, с черными от копоти стенами, живет сейчас предвыборной кампанией¹. 27 сентября — выборы в местный парламент.

Мировой (до войны) порт снит. Как поверженный гигант, молчит порт, более ста пароходов, вместимостью от 2 до 22 тысяч тонн (среди них знаменитый „Кап-Полоний“) стоят в бездействии. 30.000 моряков — новое пополнение в армию безработных транспортников, рабочих верфей. Пустуют волнообразные гигантские верфи, закрыты конторы, склады, умолкли огромные краны и качающиеся тросы.

— Гамбург без порта — ничто, — рассказывает старый моряк. — Те рабочие, которые еще работают, имеют от двух до трех рабочих дней в неделю.

День и ночь

Рабочие и проститутки, дети и прохожие, певцы и музыканты, продавцы спичек, инурков и другой мелочи, — все это от армии безработных.

В Германии растет проституция! Гамбург, как все портовые города, отличался этим и раньше. Но сейчас проституция стала бытовым явлением. Днем, почти с утра, на глазах детей молодые девушки, женщины ведут открытый торг, зазывают, танцуют...

— Марихен, твой идет, смотри! — слышится крик мальчугана, перебегающего улицу.

— Возьми, на, я сейчас, — говорит девушка в кожаном, передавая стакан пожилой женщине.

— Пойдем, вот здесь, ну скорей, — торопит она нерешительно остановившегося на углу молодого человека.

Это вы увидите во всех переулках старого города.

С опасностью для жизни

— Почти, долгие ночи проделывали мы эту работу, — рассказывают рабочие, показывая на протянутые вдоль и поперек переулков красивые полотнища. Море флагов, красивые звезды с серпом и молотом посередине, дощечки и плакаты, флаги и знамена.

„Голосуйте за список 2-й!“ „Только за коммунистов, за бедных — против богатых!“ Стены, столбы, даже отлогие крыши, — все это полно зазывающими надписями.

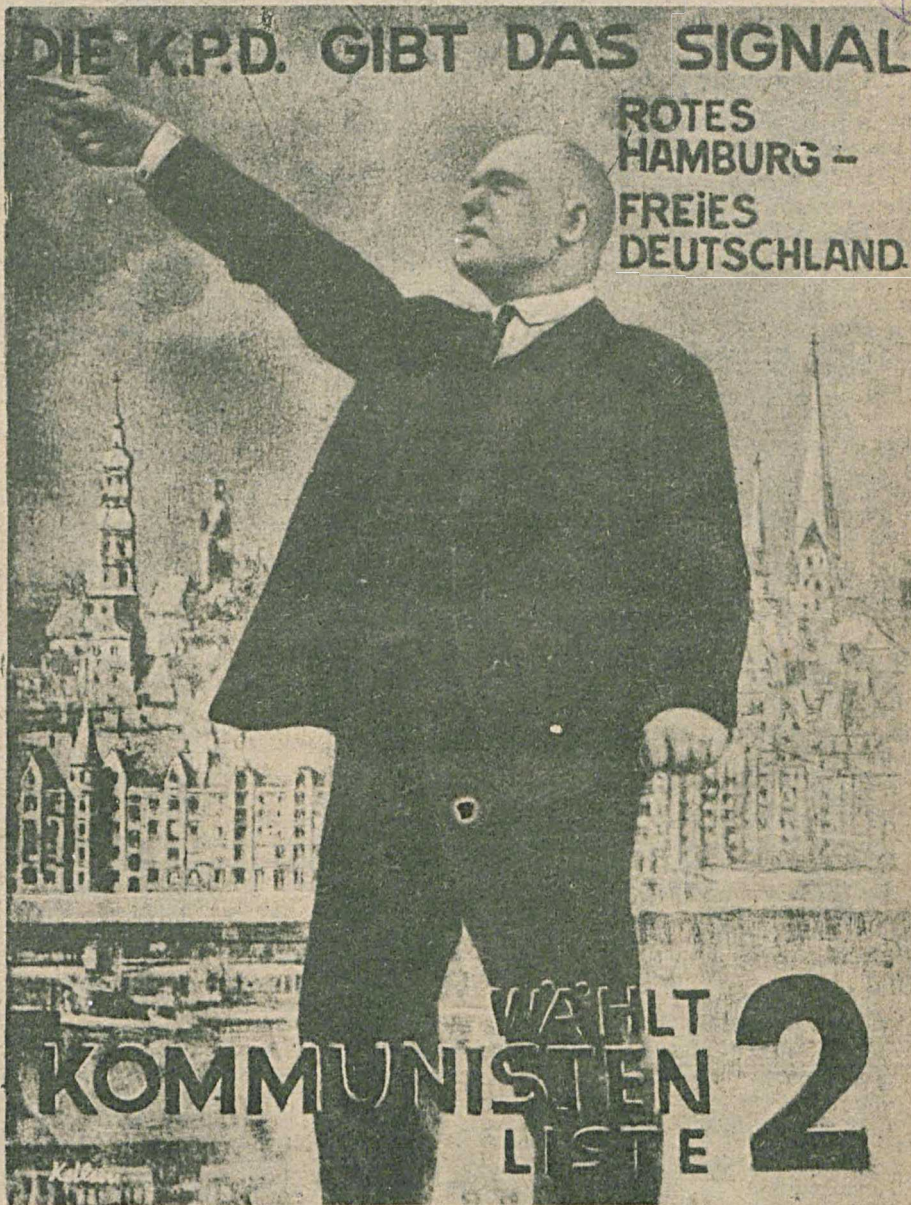
— Но как можно было стоять на такой крыше?

— Привязывали себя канатами и работали, конечно, по ночам.

На самой высокой церковной башне Гамбурга поднялся красный флаг. 60—70 метров — высота башни на церкви св. Михаила. На улицах толпы народа; взволнованные шудманы с резиновыми дубинками мечутся тут же. Они разгоняют толпу, но толпа не уменьшается.

Рядом со знаменем стоит человек. Он кажется таким далеким. Головы подняты туда, к нему.

— Вызвана пожарная команда? — Досталось... Можир, ди до него достать!

Предвыборный плакат гамбургской организации КПГ

Шудманы отгеснили толпу. Пропеслась, оглядя церковь, и стала на очищенном месте пожарная команда. На лестнице подымается высоко один. Он приближается к тому, наверху... Толпа напряженно ждет.

— Не спустится?
— Не почевать же ему там!
Толпа все уводитывается. Прибыл полицейский офицер. Пожарный и шудман ему что-то докладывают. Пожарный с белым лицом в руках снова наверху.

— Видишь, подписались, что не арестуют!

Полицейские удаляются, остаются конные, которые теснят толпу назад.

При громких одобрительных криках толпы пожарный спускается вместе с красным знаменосцем. В руках у пожарного знамя. Через голову толпы десятки рук подняли молодого смельчака и пронесли его вперед. Улица и толпа поглотили его.

— Матрос, роте марине, — слышалось вслед, — молодец, да здравствует коммунистическая партия!

— Рот фронт! — И кулаки поднялись вверх!

Все газеты поместили краткое сообщение, что на башне св. Михаила висел красный флаг. Только социал-демократы прибавили:

— Вот как коммунисты посылают на смерть своих рабочих: гонят их на крыши и колокольни церквей!

А рабочие на другой день на демонстрации ответили:

— Голодной смерти отдайте вы нас и наших детей. Хлеба и работы дайте нам, мы хотим иметь большинство в правительстве города Гамбурга.

Это стояло на плакатах рабочих, вышедших на улицы Гамбурга.

Е. Домнаткина

Гамбург, сентябрь 1931 г.

¹ Гамбург сохранял свою давнюю вольность и имеет свой парламент.

ПРОГУЛ

Гудок не зовет,
А время за восемь,
А я вот иду,
И иду как всегда.

И я узнаю
Походную осень
По сердцелинью
Листвы в садах.

Но дело не в том,—
Сто двадцать шагов
Осталось
До сборного пункта.

Поэтому, верно,
Осенний жаргон
В августовское
солнце впутан.

Навстречу приятель:
В строю—отделенный,
Ударник бригады
моей—в цехах.

Уходят врачки
На миг в отдаленность,
Речь мне в упор
строга и суха.

— Сережка, пришел?
А так не годится...
Занятие прошлое
ты прогулял?
И хочется мне
По недавней традиции,
Конские ребра
сломать в шенкелях...

Ну, что мне сказать?
Выдумывать нечего.
Идем к командиру...
А дальше—в строй.
И этот прогул
Был на сердце отмечен
Саблей упрека
до боли остро.

Манеж поднимается
Сер и крут,
И день поднимается,
желт и душен.

И вот закачался
Оседланный круп
В широких растворах
конюшни.

Я тоже спешу
Оседлать своего

„Буденповца“ ярого,
бронзовой масти.

И в пеки пахнуло
Волной полевой
И где-то бродящим
ленастьем.
Команда легла,
Как наездника хлыст,
И шорох
в юнгштурмах замер.

И каждый подумал,
Измеривши высь:
„А выдержим
все ли экзамен?“

На лентах границ
Поднимают штыки,
И запах войны
пльвет недопетый.

И кровные копи
Грызут мундштуки,
Взбивая жару
высокого лета.

Движенья любое
Иль шаг рубежей
Берем нападешьем учета,
Пока золотыми

Раструбами жесь
Не бросит
тревожные поты.

И снова команда
Взорвана вверх,
И брызнул песок
под копытами...

Под нами ушел,
Провалившись, барьер,
Песочная яма—
дымкой ипритовой.

И воздухом встречным
Грудь прострелив,
На полном скаку свалился
и замер...

И кровь к голове
пошла, как прилив,
Облаком став
над глазами.

Сознание пришло
Как днй новизна...
Товарищ меня
Пожалел и ругнул:

— Ты прогулял...
и правил не знал...
Вот что значит—
один прогул!

ТЕСЛЯ НА ПРОРЫВЕ

Рассказ С. Свиридова

Осенью по улицам Россоси гуляла молодежь. По вечерам играла гармонь. Слышались задорные девичьи голоса. И не было на гулянках одного только высокого скуластого Саньки. Приходил он в Россось один раз в неделю сменить рубашку, да иногда заходил в дирекцию МТС по какому-нибудь неотложным делам, остальное все время пропадал у машин. И уже многие стали забывать о Тесли, девчата совсем вымарали его имя из ряда имен, употребляемых на гулянках.

Десять часов работал Тесля в одной смене. Десять часов работал в другой смене.

По окончании работ—у машин за заправкой. Пример достойный. Приглядывались к его работе и другие трактористы. И уже сам не верил себе Тесля.

— Так ли это?—думал он.—Работаем как будто все одинаково, а у меня лучше. Почему?

Возвращался к своему прошлому, к весне. Вспоминал первое знакомство с трактором, свою любовь к каждой его части.

Однажды, проходя с базы к себе домой, на улице его остановили ребята.

— Здорово, Санька.

— Здорово.

— Живешь как?

Тесля помаялся. Хотел сказать обычное, как принято у ребят: „живу—не тужу, с девчатами дружу“, но вспомнил, что за все лето он ни разу не видел девок, и стало неловко. Оглядев ребят, ответил коротко:

— Живу хорошо.

— Гулять почему не приходишь? Девки, знаешь, и все такое прочее.

Тесля посмотрел на говорившего.

— Толк какой?

— Губы там у нее, как вишни,— продолжал говорить.—Обожденье ласковое. Давнущь можно, сок потечет, в общем переспелые.

Не разговаривая больше, ушел от них Тесля. Ушел другой дорогой, по другой улице. Дома встретили его отец и мать.

— Ну что, Санек?—спросил его Ивас.— Работа как?

— Идет,—коротко ответил Тесля.

— Лучшим, говорят, ты по МТС идешь?

— Работу люблю, потому и говорят так. Мать коротко вздохнула.

— Скука какая без тебя, Саня. Глядишь, товарищи твои приходят, а тебя присущили эти проклятые машины. Чего ты делаешь там теперь, в поле-то давно убрано все?

— Ремонт, мама,—ответил Тесля.—Познаем машину до винтика, всю. В нутро заглядываем к ней. Интересно очень.

— Да ведь уморно, чай?

— За работой не чувствуется этого. Охота докопаться до самого главного. Спознать все ее части, чем она дышит.

Растягивая вздох, мать отошла к окну, а Тесля, попросив чистую рубашку и закусив кое-как на ходу, пошел на базу.

В то лето, как говорят теперь, урожай был на редкость. Колхозники, заключив договоры с МТС, ожидали установки машин, подготавливали тока, расчищали жнивье.

Получив звание лучшего тракториста, Тесля тщательно подготавливал свою машину к обмолоту хлеба. Приехавшие на участок агроном Сидорович и бригадир Моисеенко подзвали его к себе.

— Вот что, Тесля,—заявил ему Моисеенко.—Тракторист ты один из лучших, дело свое любишь... Молотилку, если доверим тебе, как ты, а?

— Да как же я? Не знаю ведь я ее, товарищ Моисеенко. Случится что...

Подумал и Моисеенко: „разъездных механиков нет, показать парню в случае поломки некому“.

Обратился к Сидоровичу, тот ответил согласием.

С Теслием потом долго разговаривали, разъясняли конструкцию молотилки, предостерегали от возможных поломок.

— И начал я работать на молотилке,—говорил Тесля.—Машина незнакомая, чуть что—полетит все вверх тормашками. Работает она, а я на минуту боюсь отойти от нее. Все сам и сам. Хожу вокруг нее и приглядываюсь, как вертятся колеса, как бегут по ним ремни. Взяберусь на полки и в зубья к ней заглядываю, как она соломой рушит. „Эх, забавно“, думаю, а сам

дрожу. Дуже уж она хорошо работала, а я не знал, как она это делает. Случится что—своей головой достигай. Самое главное—в толк надо взять, что машина тоже любит, чтобы ее почесали, погладили. Гляди за ней хорошо, и она тебе не подгадит. Были у нас такие случаи: работает тракторист день, а как вечер, передает машину на заправку и айда куда-нибудь. Как ее там заправляют—не знает. Утром выедет на пахоту, не ладит что-нибудь. Начнет копать в ней и докопается до поломки. У меня их никогда не было. Случится что, если знаю, сам устранию, не знаю—к бригадире иду. Самое главное—понять над, что мы трактористы. А у нас: вчера сел на трактор, сегодня в бригадире метит. Начнет крутить что-нибудь, и хлоп—поломка.

* * *

Зима прошла за ремонтом машин.

Весной в самый разгар сева в колхозе „Прогресс“ Лезиновского сельсовета прорыв. В МТС срочно созывается собрание. Надо послать на эту работу людей надежных и проверенных.

— Теслю,—бросает кто то в шутку.—Он кроет.

Но **шутка эта** имеет серьезный исход дела. На прорыв выделяют Теслю, Булаха и Дикунова. Ребята взнуздали тракторы. На утро отправились в „Прогресс“.

Очевидцы-колхозники рассказывают это так:

— День выпал теплый. Мы тогда сидели в правлении и думали, что делать. Дней оставалось немного для сева. А сев, он хорош во время, после и думать нечего. Единичники, поглядывая на нас, стали посмеиваться, кулаки их подзадоривают: „Вон, мол, глядите, как они: сев проходит, а они на гуще гадают, сидят“. Неудобно было и нам. Как же, мол, колхозники, а идем позади единичников. Кто пойдет в колхоз опосля этого? И вот глядим так, собираться стали к нашему правлению люди. Идут целыми семьями. Прослышали они, что на подмогу к нам едут из МТС тракторы и руководит ими Ивана Тесля сын. А о нем то мы слышали, что он ра-

ботник, каких не сыскать. Знали о нем и мужики попаслышке. Глядим этак, показывается дымок в поле. Мужики и бабы на крыши изб полезли, ребятишки за село пустились. Ну, думаем, быть всему селу в колхозе. А те, стало быть, кто слушал кулаков, посмеиваются, усы пощипывают. „Глядите, мол, без хлеба не останетесь“. Стали ждать. Смотрим, вкатывается в село один трактор, пыль от него тучей. За ним еще, еще. Ребятишки бегут за ними, сопли распустили, мужики на крышах рты разинули... Как подехали они к нашему правлению, да как остановились в ряд, так и началось другой оборот дела. Тринадцать штук их было, и все стоят и гудят, как будто задуть нас хотят. А на переднем то как раз и был этот Тесля. Здоровый такой, картуз на затылок. И тут зашептались: „ерой, дескать, МТСовский“. Глядим и мы на него с удивлением. Парень, дескать, как парень, ан, хват, пошел куда. А он поднялся и говорит:

— Кто председатель будет у вас колхозный? На посев приехали мы к вам, прорыв ликвидируем.

Тут и мужики наши рты разинули. „Как,— говорят,— работать машинами, апахит?“ „Да,—говорим,—машинами“. И как сказали мы это, так и началось другой колхозор. „Машиная работа,—говорит,—стало быть, и нам по путру. Записывайте и нас к себе в колхоз“. Председатель лаш туда-сюда, подождите, дескать, подавайте заявления, падо, мол, оформить. А они: „Записывай“, и все тут. Пустили вольную запись, а у писаря нашего бумага нехватает. Подчитали, а их 43 хозяйства. Вот это урожай, думаем... И вот с этого времени узнали мы этого самого Теслю.

Трактористы, приехавшие с Теслей и другими бригадирами на прорыв, почти все были курсанты. Никто из них не работал еще на практике, и Булах, выезжая в поле, заявил Тесле:

— Все хорошо, Санька, только вот трактористы у нас молодые. На прорыв падо бы опытных послать.

Тесля подумал. Ему вспомнилось, как он сам, не проходя никаких курсов, после коротких бесед с бригадирами, через неделю стал управлять трактором. Обращаясь к Булаху, он ответил:

— Ничего, руководить будем ими. Дело пойдет, сами мы неучеными были.

Но уже с первой борозды Тесля заметил, что Булах был прав. Присланные с ними на прорыв трактористы, в том числе 9 девушек, не знали ни норм расхода горючего, ни других элементарных правил по работе трактора. С первого же заезда один тракторист пустил машину на третью скорость, а другой начал регулировать манометр и дорегулировал до того, что он стал показывать сначала 10, потом 15, затем 20 и снова 10.

На Теслю это действовало раздражающе. Он знал, что ребята эти все курсанты, учились по несколько месяцев, а знать ничего не знают. Подойдя к ним, он спокойно заявил:

— Вот что, товарищи. На курсах вас, как видно, ничему не научили, придется учить заново.

Некоторые обиделись.

— Как так? Трактор мы знаем.

— Подождите,— оборвал их Тесля,— мы присланы сюда на прорыв. Ко времени должны мы его перекрыть. А работаете вы плохо. Вот вам указ мой: не регулировать ни одного винтика без меня. За машинами смотреть лучше. Расход горючего у вас неправильный. Выработываете вы в два раза меньше, а расходуете горючего в полтора раза больше. Так нельзя.

Весь день ходит Тесля от одного трактора к другому, от одного к другому трактористу, каждому показывает, рассказывает, учит. Но вот освободилась первая смена. С тракторами уходит вторая. Тесля успевает читать лекцию первой смене, и смотреть за работой второй. Обедать и бжигать некогда: с куском хлеба в руках бежит он к остановившемуся трактору, на ходу пьет, ест и спит.

Последнее немного странно. Представить себе сонного человека, который бы бежал или работал, невозможно. Однако, это так. Работая с неопытными трактористами, и тем более на прорыве, одновременно уча и показывая, Тесля ни на одну минуту не уснул в первую ночь. На второй день спать было некогда, а поздно ночью, когда работа была закончена, до выезда первой смены управлял машины горючим и смазочным.

Наступил третий день, такой же беспокойный, как и два первые. Трактористы в этот день работали значительно лучше, некоторые даже совсем хорошо, но Тесля не оставлял их и тут.

— Все делал сам,—говорит он,— и заправку горючим, и заправку смазочным. Работали на прорыве, и на трактористов надеяться было нельзя. Чуть что—и машина из строя.

Прошли так ровно 4 дня и 4 ночи. 96 часов без сна. Грозившая колхозу „Прогресс“ катастрофа предотвращена. Прорыв перекрыт с превышением.

— А по-другому бы—беда нам,—говорит теперь колхозники,—засмеяли бы нас единопщипики. А тут и пророст на 43 хозяйства зараз, и засяно все.

По моей просьбе письменно изложить впечатления того момента, когда он получил орден, Тесля записал в моем блокноте следующее:

„Я, товарищ Тесля, был вызван на получение ордена Ленина вцкк 3-го июля получил пропуск вцкк и пошел вцкк на третий этаж в 28 комнату. Я это все нашол и захожу в комнату № 28, и там у

меня спросили: кто я есь. Я и сказал и у меня отметили пропуск и через несколько времени вызвали в зал вцкк и начал Михаил Иванович Калинин вручать ордена Ленина, все были награждены орденами Ленина техники директора и хорошие слесари, но я был один только тракторист россонанской Машино-тракторной станции и меня было жудко в том что я толко один был крестьянина сын и как меня вызвал Михаил Иванович Калинин к столу вручал орден Ленина то я немог ничего и сказал тожко поблагодарил онаграждения меня орденом Ленина и пошел на место“.

Теперь он работает в колхозе „Коминтерн“, Екатеринбургского сельсовета. За ним закреплены 5 тракторов и звание старшего бригадира.

Мне его показывают в то время, когда до молотилки, на которой он работает, остается шагов сто. Я внимательно начинаю воматриваться.

Высокий, выше среднего роста, на голове кожаный картуз козырьком назад, ноги босые, рубашка и брюки холщевые, выкрашенные в черный цвет. За одну—две минуты, пока мы идем к молотилке, он успевает десяток раз переменить свое местонахождение. Сначала, когда мне его показали, он был у барабана, затем очутился у трактора, потом снова у барабана, и уже у воза со снопами помогает колхозникам подвозить его ближе к машине.

И долго ловлю момент, когда он окажется наиболее свободным, чтобы заявить ему о цели моего посещения. Оказывается, это не так легко. Свободен он не бывает ни одной секунды.

На-днях по его просьбе колхоз „Коминтерн“, где он теперь работает, выделил ему одну девушку для работы на тракторе. Вечерами все внимание Тесля отдает ей.

— Девка попала хорошая, и толк из нее будет. Всего как три дня пришла ко мне, а уж сегодня сама поехала на пахоту.

Затем он долго раздумывает и, посмотрев на подзывающего его к машине тракториста, добавляет:

— А то, что говорит: не учился я,—не правда это. Без науки человек место пустое. Я только на курсах не учился, а науку о тракторе сам всю постиг. Учился у бригадиров и читал книги. С девкой этой тоже так. По-моему, будет работать и учиться—хорошей трактористкой будет, а захочет бригадиром завтра быть—место пустое от нее.

Мы медленно идем с ним к правлению колхоза. Жара стоит невыносимая. Он, почти ежеминутно вытирая пот со лба и лица рукавом рубахи, говорит:

— Вот и все мое происхождение такое. Работаю теперь старшим бригадиром. У меня пять тракторов и молотилка, и до конца лета я закреплен за этим колхозом. Темпов я своих теперь уж не дам,—девку эту выучу.

И. Бехер, Ал. Дейч, Уитмэн, Леонид Леонов, И. Сельвинский, Ал. Сурков, Эрнст Глезер, С. Гуров, Г. Корабельников, Эсхил, Уткин, Л. Авербах, С. Кирсанов, Н. Огнев, А. Гидаш, А. Фадеев, С. Щипачев, М. Чарный, Бор. Галин, И. Микитенко, Иван Батрак, А. Тарасов-Родионов, Белла-Иллеш, С. Ланцуцкий, Анатолий Франс, Мих. Кольцов, Оноре де Бальзак, А. Жаров, Б. Левин, В. Киршон, Майкл Голд, Эгон Эрвин Киш, Андор Габор, Ефим Зогуля, Ник. Асеев

ЛИТУДАРНИКИ

29 сентября ми́нул год со дня призыва ВЦСПС и РАПпом рабочих-ударников в литературу. Сейчас еще даже нельзя учесть всех будущих огромных возможностей, которые содержит в себе исторический призыв. Однако, даже на основании одного только минувшего года можно судить о мощности и глубине этого движения. Десятки и сотни книг, выпущенных издательством ВЦСПС и другими издательствами СССР, сотни и тысячи произведений, напечатанных в журналах, газетах и т. д., приносят огромную пользу уже сейчас. Рабочие-ударники передают в них опыт своей борьбы за социализм миллионам строителей социализма, причем форма, в какой это пишется, становится почти с каждой новой книгой, с каждой новой работой—художественнее, квалифицированнее, четче и глубже.

Новое содержание, приносимое творчеством рабочих-ударников в пролетарскую литературу, еще не могло за такое короткое время найти художественно-полноценного выражения. Это—естественно. Творчеству ударников в ряде случаев еще присущи многочисленные и серьезные недостатки, но все же—кто не видит неуклонного и необычайно быстрого роста творчества рабочих-ударников, тот, значит, попросту не хочет его видеть. Можно сказать без преувеличения, что вряд ли было еще когда-либо литературное движение—столь массовое, столь широкое, столь могучее, таящее такое огромное количество возможностей, охваченное столь высокими идейно-творческими задачами, охваченное столь страстной и напряженной учебой, как движение в литературу рабочих-ударников. Да это и понятно. Движение ударников в литературу—это завоевание рабочим классом, наряду с другими участками социалистического строительства, не менее трудного, чем другие, участка социалистической литературы. Уже первый год показал значительные достижения на этом пути.

Второй год призыва ударников в литературу должен стать годом еще более решительной борьбы за качество и рост призыва, и несомненно, будет годом еще более глубоких побед.

При журнале „Огонек“ четыре месяца существует актив рабочих ударников, призванных в литературу. Регулярные собрания происходят каждые десять дней. Приходят по 20, 25, 30 человек. Это лучшие литкружковцы московских фабрик и заводов. Возраст преобладает молодой—18, 19, 20, 22.

Что они представляют собой? За четыре месяца их перебывало много. Почти все наиболее активные призывники Москвы. Шел процесс выявления рабочего писателя—для того, чтобы образовать кадры для регулярной учебы (теперь эта учеба началась).

На декадниках читали стихи, очерки, рассказы, отрывки из пьес. Обсуждали, спорили. Читали произведения известных авторов, иногда не называя их фамилий для того, чтобы обсуждение прочитанного было наиболее „беспристрастно“. Иногда приглашали для „проработки“ того или иного квалифицированного писателя. Обычно писатель приходил, читал свою вещь, ее разбирали, ему задавали вопросы, он отвечал, говорил о методах своей работы. Практиковался и такой способ занятий на декадниках: кто-нибудь из литкружковцев читал своего любимого поэта и объяснял, почему ему данный поэт нравится, и т. д. По поводу почти всех прочитанных произведений ставились общественно-политические вопросы, давались соответствующие справки.

Прежде всего, следует отметить необычайно быстрое развитие литкружковцев. Развивались прямо на глазах. Общий уровень развития за 4 месяца необычайно повысился. Квалификация суждений поразительно подвинулась.

Многие литкружковцы значительно выросли и творчески. На декадниках делились и замыслами, которые тут же обсуждали. Практиковались повторные чтения исправленных вещей. Бывали случаи, когда стихотворение, на первой читке забракованное активом, читалось во второй раз и в третий раз и после переработки оказывалось вполне приемлемым для печати.

Что же собою, в общем, представляют ударники, призванные в литературу?

Их следует изучать со всей тщательностью. Совершенно несомненно, что на них реально будет строиться уже ближайшее будущее пролетарской литературы, и поэтому всякая черточка, всякое наблюдение, касающееся их, должно быть зафиксировано. Их надо изучать серьезно, не останавливаясь только на хороших сторонах, а особенно тщательно изучая слабости, недостатки, „узкие места“ и неизбежные болезни роста.

Как ни молодо это движение, а уже есть довольно типичные фигуры и, следовательно, есть хоть и небольшая, но некоторая возможность записывать обобщенные наблюдения.

Преобладает, как известно, стихотворец. Подавляющий процент—поэты. Затем идут критики (непишущие, „словесные“ критики). Затем в очень небольшом количестве следуют прозаики. Прозаики делятся на очеркистов и боллетристов. Среди стихотворцев нередко встретить культурно владеющих стихом. Вряд ли будет преувеличением, если мы скажем, что многие пишут не хуже некоторых поэтов с установившимися репутациями и именами.

Преобладают пока, разумеется, подражательные формы. Подражают современным пролетарским и попутническим поэтам. Между прочим, хорошо знают современную поэзию, чего нельзя сказать о прозе. Знают даже наизусть много стихов. Легко и почти безошибочно устанавливают влияния, замечивания, пользование чужими ритмами, метафорами и т. д. Помнят и ревниво относятся к переложкам образов, которая у многих проявляется невольно. Несравненно хуже знают мировых поэтов.

Критикуя, в большинстве случаев убедительны. К разбираемой вещи подходят в первую голову с общественно-политической стороны, со стороны классовой направленности, со стороны целеустремленности основного замысла вещи, со стороны ее общественной значимости и полезности. Критикуют решительно прямо, иногда сурово, иногда беспощадно, но стараются быть доказательными. Давались в зубах положения нашей печати критики—„не показано“ то-то, „не выявлено“ то-то, „не чувствовался“, „нет показа“ и так далее—все это, ставшее штампом худшей части нашей печатной критики—употребляется и здесь, но только менее развитыми литударниками. Обычно критика бывает более серьезна, пристальна и мало-шаблонна. Чрезвычайно ценно, что она чаще всего носит товарищески-воспитательный характер. Критикующий говорит: „Вот ты написал так-то и так-то, а следовало тебе написать вот так. И ты напиши, переделаи к следующему разу, и вот увидишь что будет правильнее“.

Слушают весьма внимательно. Чрезвычайно часты просьбы прочесть стихотворение еще раз, если оно было прочитано поумело, спешно, если автор читал невнятно из-за волнения и т. д.

Как правило, совершенно не приемлются лучшими литкружковцами банальность, общие места, заезженные образы, использованные подходы и приемы. Это вызывает нескрываемое раздражение. Даже когда банальность прикрыта выдержанной идеологией—ее все же не прощают. Она жестоко разоблачается. „Частенько читали подобное“—говорят в таких случаях с брезгливой гримасой.

Среди ударников-литкружковцев есть ряд типов, из которых некоторые обладают уже довольно отчетливыми чертами. Первый и бросающийся в глаза тип рабочего ударника—это *растущий*, даже необычайно *растущий* поэт.

Первые его стихи обычно бывают подражательными. Но, обыкновенно, подражательность или, по крайней мере, явная подражательность довольно быстро проходит. Иногда бывает, что выдержанные заводские производственные стихи на некоторое время, на небольшой период сменяются так называемым романтизмом, легким „ячеством“, таким шагающим вразвалку „богемнеством“ (правда, в самой незначительной дозе, но все же оно бывает). Оно на время заражает молодое неокрепшее перо. Начинается лихое подражание удачным поэтам. Но у *растущего* это проходит очень быстро. Это—своеобразная корь, которой „болеют“ если не все, то многие. Но сейчас уже есть значительные прослойки литударников, которые смущаются, когда им указывают на наличие в их стихах влияния того или иного „модного романтического“ поэта.

Как на одну из самых ярких черт растущего литударника, следует указать на органичность его развития. Он берет свои темы свободно. Он не боится будущей „отрицательной“ критики. Он не прячется ни за чью спину, чтобы предотвратить такую критику или ослабить ее. Его темы согласованы с самой жизнью, с общественностью завода. Они родились там, и он не „мерит семь раз“ прежде чем отрезать, как это делают осторожные профессио-

налы, а сразу „режет“. И если это не всегда получается искусно, то в большинстве случаев оно сохраняет обаяние личности, цельности и силу классовой направленности.

Для растущего литударника также типично наличие *обобщения* в творчестве. Работая серьезно, он неизбежно приходит к *обобщению*. Творя органично, он не может не быть шире своего завода. Отдавая должное своему заводу, останавливаясь в своем творчестве на его конкретном материале, на его трудностях и победах, он все же отражает и воспринимает типичное и для других заводов и для всего рабочего класса.

Дальше. Литударник не боится ярко проявить свою индивидуальность. В нем нет и намек на парочитую „искусственность, лицемерную и ханжескую „скромность“. Он выявляет себя свободно. Уже чувствуются крупные индивидуальности в целом ряде молодых, быстро растущих литударников.

Наконец, последняя черта, которая может считаться характерной для растущего литударника. Это—несмотря на большую творческую работу, на огромные трудности—отсутствие разнородности, литературно-цеховой узости, „странностей“ в поведении, патологической угловатости и т. д., что отличает в большом количестве буржуазных молодых поэтов.

Литературные и около-литературные обыватели любят утверждать, что ударникам „легко“, что им „хорошо“, что им все „легко дается“. Неверно. Им трудно. Во всяком случае, труднее, чем предыдущим литературным поколениям. Литударники сами строги к себе и к своему творчеству, да и широкий общественный контроль заставляет их относиться еще строже. Препятствия литературных поколений знали только редактора, а здесь до редактора не мало „инстанций“, предъявляющих большие требования. И тем не менее, поворотом, специфической литературной неутомленности у них нет. Правда, нельзя сказать, что этого нет совершенно,—творческая *пагузка* дает себя чувствовать. У много работающих и растущих литударников замечается и первность и чрезмерная утомляемость, и т. д. Но это не очень бросается в глаза, хотя на это и следует, конечно, обратить внимание.

В противоположность *растущему* типу литударника есть, правда, в незначительном количестве, *нерастущий*. Это люди, заставшие на первых своих литературных попытках и упорно не учащиеся. У этих, естественно, внимание от основного, вступительного и существенного переходит на внешнее. Они очень чувствительны к „чиннам“, к „попаданию в вожжи“. Неуспешность они заменяют ревностью и усиленной критикой товарищей. Они внимательно читают ругательную печатную критику—и повторяют в литкружках несложные положения всевозможных отрицаний. Из их уст так и сыплется: „схематично“, „механистично“, „фотографично“, „не выдержано“, „не показано“, „не выявлено“, „ничего не сказано о...“ и т. д. и т. д. Некоторые из них даже достигли определенного умения делать *подобие* критики. Но только *подобие*.

Существует старая теория, заключающаяся в том, что критики комплектовались из неудавшихся писателей. Мы никогда не являлись приверженцами этой „теории“, но если в ней есть хотя бы частичная правда, то литударники ее целиком опровергают. Здесь, в литкружках, действует как раз обратный закон: содержательно и убедительно критикуют не плохо, а хорошо пишущие. Нерастущие занимают только именно *подобием* критики. Они—неавторитетны. Авторитетны *растущие*, а „голых“ критиков в некоторых случаях мягко-иронически именуют „место“: „Сколько у вас членов кружка?“—„Двадцать человек: два прозаика, семь поэтов и три места“.—„А что такое места?“—„Это так (мягкая улыбка), критики“. Но отсюда не следует, что литударники не считаются с критикой и не поощряют ее. Наоборот. Серьезной критике уделяется первое место. И литударников, готовящихся стать критиками, очень уважают и даже гордятся ими.

Нерастущий литударник педантичен, чрезмерно требователен. Он вызывает к канонам. Он некритически относится к классикам. Он боится творческого размаха, боится творческой инициативы. Нерастущие обычно редко посещают кружок. Попадая в издательские рабочие советы, они легко консервируются и превращаются в чиновников. Они не учатся, легко поддаются под любые учрежденческие бюрократические влияния. Но мешало бы, конечно, таких заменять растущими ударниками.

Среди нерастущих литкружковцев, продолжающих писать, есть голые версификаторы. Их немало. Среди них есть даже „способные“, чистенько пишущие, „первые ученики“, педанты, гладкописцы, способные написать по любому поводу „прличное“, прилизанное стихотворение. Но обычно их быстро разгадывают и беспощадно критикуют. Часто они превращаются в „летунов“: переходят из кружка в кружок, инстинктивно ищут менее квалифицированные кружки, где некоторое время их еще слушают, пока не подрастает подлинно творческое поколение.

Малоприятное впечатление производят литударники, познавшие эстрадный лд. Подражая „теноровым знаменитостям“, они научаются читать, распевая, полужакрыв глаза, поднимаясь на поски и вообще продельвая весь несложный комплекс преловутой эстрадной техники, „выработанной“ немногочисленной группой поэтов, еще недавно „царивших“ на эстрадах. Они не читают, а „бархатно“ распевают свои стихи, но в кружках к этому относятся иронически, и *растущие* обыкновенно освобождаются от всех этих „красот“ очень быстро.

Многочисленен, но замечен тип литударника-экспериментатора. Он изучает литературу весьма энергично, особенно внимательно и тренируется иногда своеобразно. Этого типа литударники хотят создать новое—новое во что бы то ни стало. Но творческое сознание в огромном большинстве случаев у них выше творческих возможностей. Это повлито. Общественно-политическое развитие, обычно, у литударника значительно опережает литературную грамотность.

И все же на творчестве литударников, на их борьбе с канонами форм можно видеть, как некоторые из этих форм обветшали. Многие литударники чувствуют себя

в установившихся литературных формах, как в цепях. И постепенно,—конечно, далеко не все, но многие—позволяют себе быть самостоятельными и целиком следовать тому, куда влечет „свободный ум“. Пробуют писать новыми размерами, новыми ритмами, свободным стихом. Процесс творческой закалки проходит в этих случаях довольно напряженно. Приходится выдерживать борьбу. Но интересно следить за тем, как своеобразный молодой писатель, не понятый коллективом, молчаливо, либо даже явно осуждаемый им, все же не смущается, не озлобляется и продолжает вести свою творческую линию, постепенно завоевывая сторонников. Приятно видеть, что трагедии „непонятости“ при этом не происходит. Объясняется это тем, что тяга к новому в среде ударников, призванных в литературу, очень сильна. Первое мерило и первая оценка вещи—после проверки идеологической стороны и классовой направленности—это: есть ли что-либо новое в форме. Таким образом, зашатавшегося, свиста, улюлюканья над попыткой писать своеобразно среди литударников почти нет. Наоборот, утверждение „он старается писать по-новому“—звучит почти всегда празднично, как поздравление. В этом отношении среда литударников выгодно отличается от среды профессиональных „квалифицированных“ писателей, которая, к сожалению, часто проявляет беспробудную косность и оголтелый консерватизм.

К „известным“ писателям литкружковцы относятся в большинстве случаев без предвзятых мнений. Бенгальский огонь рекламы, наигранного обаяния и моды для них почти не существует. Ко многим „известным“ и „перезвестным“ относятся весьма снисходительно.

Но при этом приятно отметить, что „шапкозакидательства“ в среде литударников тоже нет. Был случай, когда на разборе произведения квалифицированного писателя один литкружковец сказал „мы напишем лучше“,—и против этого выкрика резко высказались решительно все, без единого исключения. Заводская скромность и склонность к подлинной самокритике, а не только к самокритике, как к какой-то новинности—отличают литературные суждения призывников.

Литударники очень чутки к критике. Не „боятся“ ее, они все же очень считаются с ней. Большинство из них крайне оторчается от суровой критики. Осуждение своих работ они понимают, как очень досадный вид брака. Им жаль потерянного времени, которого у них так мало. Некоторые поэту даже не соглашаются перedelывать свои вещи. Но, правда, многие охотно перedelывают.

Чрезвычайно сильна среди литударников тяга к учебе. Это, пожалуй, самое характерное, проходящее через все процессы их творчества, через подготовку к нему и через все оценки.

И радостно констатировать, что в огромном большинстве случаев это не остается „тигой“, а превращается в реальное и живое дело.

Советская общественность под руководством ленинской партии и ее ЦК, в тесной связи с ВОАПП и РАПП, профессиональных, комсомольских, научно-исследовательских и издательских организаций должна всемерно этому помочь.

ПЛОХО ПОНЯТАЯ РОССИЯ

Статья *Бернарда Шоу*

Как известно, поездка Бернарда Шоу в СССР и восторженные отзывы знаменитого английского писателя о пролетарском государстве вызвали бурю негодования со стороны буржуазной печати Запада. Захлебываясь от бешенства, свора реакционных журналистов, состоящих на содержании у банкиров и капиталистов, поспешила объявить Шоу „сошедшим с ума стариком“, „диким фанатиком и фантастом“ и т. д. Мы приводим здесь статью Бернарда Шоу, возникшую в результате его впечатлений от недолгого пребывания в СССР. Разумеется, за несколько дней и без знания русского языка Шоу не удалось ориентироваться во всех деталях общественной жизни СССР; тем не менее, остропроbingая, блестящая статья Шоу является достойной отповедью проповедникам пресловутой „западной цивилизации“ и заодно хулителям „варварского“ большевизма.

Сентиментальный французский писатель сказал как-то: „Все понять значит все простить“. Такая установка в полной мере ошибочна. Если две друг для друга опасных партии взаимно понимают методы противника, отсюда вытекает естественным следствием их желание сделать все для того, чтобы в конце погубить противника. Я ни в какой мере не убежден в том, что если я раз'ясню, в чем заключаются смехотворные недоразумения между коммунистической Россией и капиталистической цивилизацией, то тем самым я уничтожу вражду между двумя противоположными мирами. Быть может капиталистические газеты и империалистические политики тем громче будут призывать к уничтожению русского коммунизма, чем больше я буду раз'яснять его сущность. Но если им уже все равно необходимо призывать к крови, то пусть это делают хотя бы интеллигентнее и менее безумно. Гнусная анти-советская пропаганда заключается главным образом в унижении России, которое ведет к тому, что капитализм недооценивает своего противника и себя самого пе-

реоценивает, и это тем опаснее, что такая переоценка исходит только с одной стороны. Коммунистические вожди также хорошо понимают коммунизм, как и капитализм. Капиталистические демагоги не понимают ни капитализма, ни коммунизма.

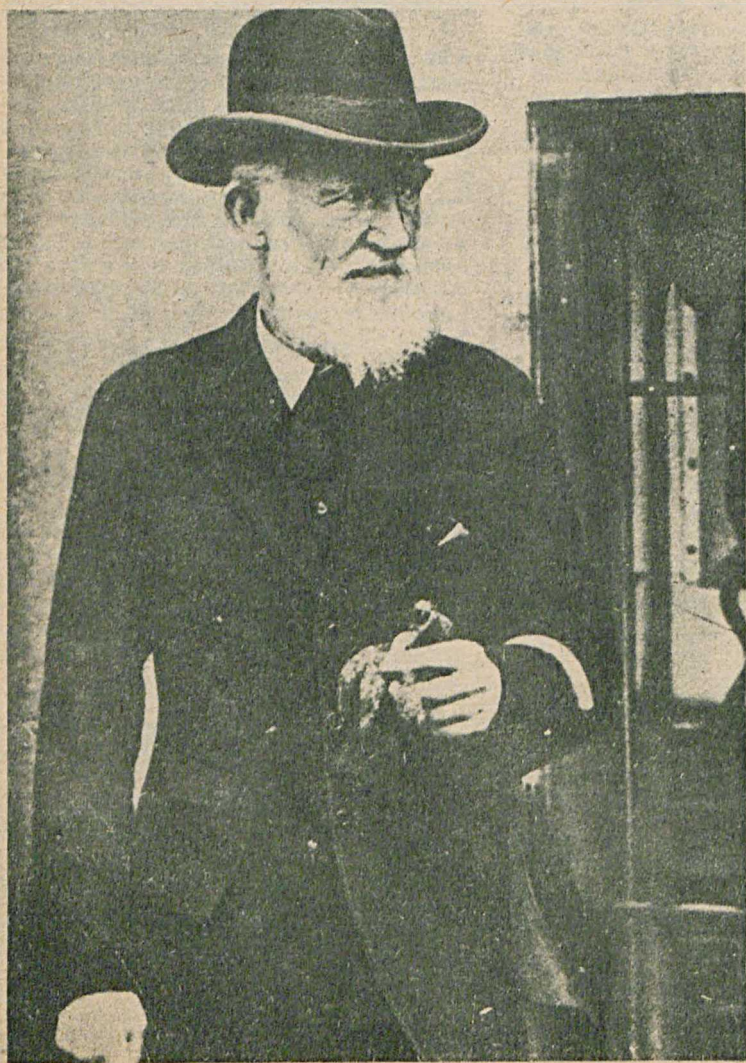
Нетрудно доказать, что даже наиболее сознательные люди очень мало знают истинное положение вещей в их собственной капиталистической стране; они возмущаются от души, читая лживые описания о положении вещей в Советской России, не зная, что в десяти минутах ходьбы от их собственного дома творятся вещи гораздо худшие. Эти люди напоминают мне тех восторженных борцов с работоторговлей, которые столетие назад требовали прекращения работоторговли и не знали, что на на фабриках, дым которых заволакивал их окна, белых подростков эксплуатировали и избивали гораздо жесточе, чем взрослых негров в Африке,—тех негров, о которых они писали такие душеспасительные истории.

В Советской России, например, с преступниками обращаются гуманнее и рас-судительнее, чем в какой-либо другой стране. В Англии недавно один заключенный покончил с собой, после того как он был бесчеловечно приговорен к десяти годам каторжных работ и телесному наказанию. Ужасы Кайеннской каторги и Чортова острова—мест французской ссылки, длительное заключение в ужасающих условиях в французской карательной практике, телесные наказания, применяемые даже против женщин в Соединенных штатах,—все это кажется мне дьявольскими, а не человеческими измышлениями. Газеты Запада переполнены описаниями ужасов американского преступного мира и портретами героев - преступников. Американские преступники хорошо знают, как легко расположить на свою сторону присяжных в суде, как легко подкупить полицию и судей и как легко поладить с американским правосудием, исправно уплачивая налоги с дохо-

дов, добытых посредством убийств и грабежей.

В Советской России преступник не чувствует никакой почвы под ногами, ему так же трудно уцелеть, как крысе во дворе, переполненном террерами. В Америке голодают миллионы семейств или продают свой последний скраб для того, чтобы хоть как-нибудь прокормиться. Они даже не получают пособий, тех жалких крох, которые спасают их от голода. Но в капиталистических странах господствующий класс не предпринимает ничего для того, чтобы с помощью социальных или иных мероприятий улучшить положение. Он откупается от отчаянного положения голодающих путем частной благотворительности, которая в Америке носит добровольный характер, в Англии отчасти принудительный, но в обеих странах является лишь каплей в море.

В Советской России нет безработных. Народ здоров, жизнерадостен и полон веры в свое будущее. Он вынужден до поры до времени ограничивать себя кое в чем, ему приходится трудно в смысле работы, но зато он уверен, что его работа идет ему же самому на пользу, а не на потребность кучки бездельников, прохлаждающихся в комфортабельных отелях между Пальмбичем и Адриатическим морем. В Советской России миллионные состояния не приурочены таким бездельникам еще до их рождения. В Советской России все или должны работать или они будут изгнаны из общества, если они нестойки, чтобы общество их кормило. Я мог бы привести еще множество подобных противопоставлений. Однако и этих примеров достаточно для того, чтобы напомнить злейшим фарисеям из антисоветского лагеря, что тот, кто живет в стеклянном доме, не должен швыряться камнями... Знаменитый и высокоуважаемый английский капиталист Джон Рескин указал однажды, что в человеческом обществе существует лишь три сорта индивидуумов: рабочие, нищие и воры. Русский может облегчить классификацию и указать только два сорта: продуктивных рабочих и паразитов. Капитализм, между прочим, выдвигает теорию, что никто не станет работать без надежды на то, что он сам сделается впоследствии капиталистом (читай—паразитом) и вследствие этого паразитизм относится к обязательным расходам на производство. Фабрика, заявляет капитализм, немислима без помещика, который не продал бы землю, на которой она стоит, за высокий выкуп, немислима без капиталиста, который хочет получать наивысшие барыши из предоставленных предпринятию денег, без фабриканта, который покрывает не только аренду и проценты на капитал, но еще извлекает наивысшие доходы для себя. Всего этого они могут добиться, если заработная плата снижена до возможных пределов. Рабочие, которые принуждены или работать или голодать, продают свою рабочую силу по грошевым ценам. Советская Россия своей практикой опровергает эту капиталистическую теорию. Она располагает многочисленными фабриками с современнейшими американскими

Бернард Шоу

АВТОГИГАНТ „АМО“ ПУЩЕН В ХОД

1 октября состоялось торжественное открытие гиганта „АМО“. Оборудованный по последнему слову техники, завод уже в 1932 году даст 25.000 мощных автомашин; в дальнейшем эта цифра будет увеличена втрое. Конференция приветствовала требование рабочих о присвоении заводу имени Сталина и награждения 23 лучших ударников-энтузиастов стройки, орденами Ленина и Трудового красного знамени. На снимках: слева—рабочие слушают речь тов. Кагановича, справа—выступление тов. Кагановича

машинами, и здесь работают американские инженеры и техники, предпочитающие жизнь в СССР жизни в Соединенных штатах. Эти фабрики работают полным ходом, и вы не найдете на них ни одного паразита. Арендная плата, проценты на вложенный капитал, чистая прибыль,— все это стекается в государственную казну. Образованные таким образом фонды идут на строительство новых фабрик, на организацию новых колхозов, на улучшение общественного питания и на содержание Красной армии, которая ликвидирует мистера Черчилля и мистера Бабиита, как только они от антисоветских словесных выпадов перейдут к антисоветским военным действиям. Остаток этих фондов употребляется на благо рабочих. Во всем хозяйственном аппарате, без всякого исключения, нет места для лентяев, паразитов и эксплуататоров.

Борьбы различных партий, создающей призрак демократизма, не существует в России. Если русские поручают кому-либо выполнение какой-либо важной государственной задачи, они не сажают тут же другого человека, который бы ему мешал выполнять эту задачу, и не забавляются борьбой обоих. Создатели конституции Советского союза провели много лет на каторге и в изгнании и имели время обдумать сущность будущего строя. В Детройте, Питсбурге, Нью-Йорке и других подобных центрах нет времени для обдумывания. Они пришли к власти, не будучи избраны на официальных выборах. Они не ждали, пока их признают враждебные им элементы, и многие из них были нелюбимы их почтенными соседями. Они пришли к власти, не будучи выбраны людьми, потому что их выбрала природа и логика. На Западе нередко „избранники“ высмеиваются, заключаются в тюрьму и даже отправляются на тот свет на электрическом стуле. В Советской России стоящие у власти—

члены коммунистической партии, и коммунистическая партия руководит Россией. Ее члены делаются председателями и секретарями исполнительных комитетов и проводят политику партии. Русское разрешение вопроса о демократии показывает, что Советская Россия обогнала капиталистический мир по крайней мере на столетие.

Уже теперь там достигнуты большие успехи в связи с подъемом общего культурного уровня, и хотя число высококвалифицированных работников еще очень невелико, все же надо признать, что советское правительство является наиболее дееспособным и просвещенным во всем цивилизованном мире. И чем хуже управляются государства на Западе, тем больше поводов имеет пролетарское государство на Востоке быть благодарным своему правительству за самое мелкое мудрое мероприятие.

Коммунистическая система—это загадка для среднего европейца, который верит только в следующее правило: „кто имеет, тому надо еще дать, а кто не имеет, у того надо отнять и то небольшое, что он имеет“. Ему кажется, что коммунизм—это нечто, что он увидел бы, понав в сумасшедший дом, население которого утверждает, что черное—это белое и что дважды два—пять. Но это сумасшествие имеет свою методику. В России нет миллионеров, нет дам и господ и так мало духовенства, что его не видишь, даже приди в церковь. В СССР нет улиц с шикарными магазинами и рекламными плакатами, но никому от этого ни на грош не хуже. Жалка личной наживы, без которой, по утверждению капиталистов, не может существовать фабрика, целиком отсутствует на русских предприятиях. И, несмотря на это, русские фабрики и заводы существуют и работают так же, как капиталистические, и еще бесперебойнее, потому что все работники направляют силы

для того, чтобы добиться возможно лучшей продукции, тогда как на капиталистических фабриках интересы расходятся.

В частной жизни не замечаешь различия в рангах. Солдат вне военной службы общается со своим офицером и чувствует себя с ним на равной ноге. И, несмотря на это, дисциплина в Красной армии строга. Ребенок, которого бьют, привлекает своих родителей за телесное уверие к ответственности и пользуется гражданскими правами наравне со взрослыми. Браки легко расторгаются по желанию одного из супругов; однако семейная жизнь развращается здесь так же, как у всех культурных и порядочных людей. Частной собственности не существует, но между тем личное имущество гораздо обеспеченнее здесь, чем в Лондоне или Чикаго. Стоящие на руководящих государственных постах не имеют никакой частной собственности и получают содержание, от которого в Западной Европе с негодованием отказался бы какой-нибудь жалкий директор провинциального банка. И однако все капиталистические президенты, рейхсканцлеры и премьеры могут позавидовать им. Буржуазная свобода высмеивается как предрассудок; и однако в Москве каждый может носить, что ему нравится, а это недопустимо ни для одного добродетельного „господина“ и ни для одной почтенной дамы ни в какой другой столице Европы.

Короче говоря, если достопочтенные соседи Советской России дураки, то они пытаются отрицать факты и настаивают на том, что положение в России соответствует их буржуазной логике. При некоторой доле рассудительности они должны признаться, что они неправильно оседелены, и это признание ведет их к опасной мысли, что их высокоуважаемое государство может кое-чему поучиться у Москвы.

ИДУЩИЕ В АВАНГАРДЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

Зарисовка художника Л. Зильберштейна

Тов. Масденникова, активистка-ударница завода «АМО», премпрована за проведение подписки на заем 3-го. решающего года пятилетки

Тов. Ефимов, ударник формовщик завода им. Ильича

3. Тов. Скорнов, ударник-кондитер карамельного цеха фабрики «Красный Октябрь»

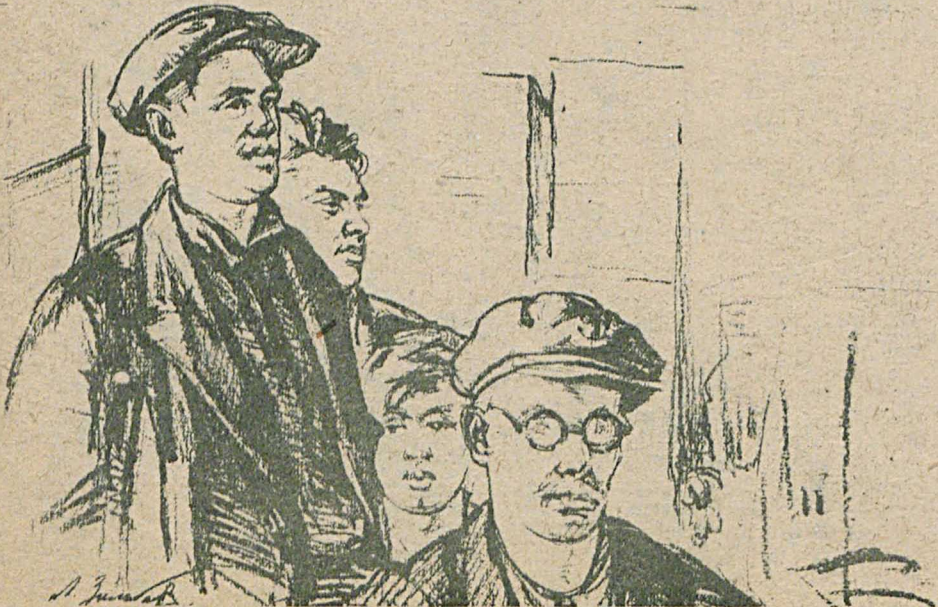
Тов. Кошуба, ударник бригадир по приспособлениям завода «Оргметалл»

Тов. Громова, ударница-швей 4-го отдела моторяток фабрики «Москвошвей» № 14

Тов. Бейден, ударник ремленного цеха завода «Каучук»

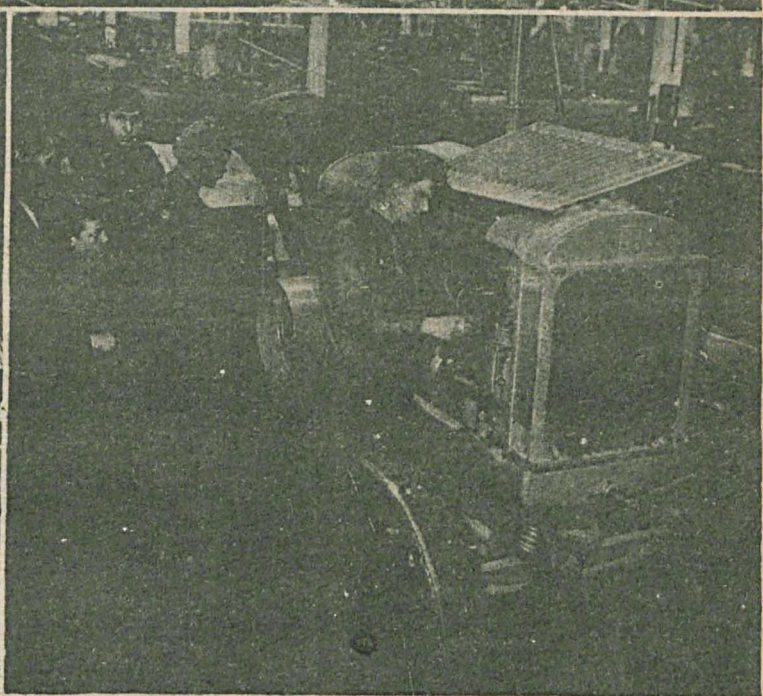
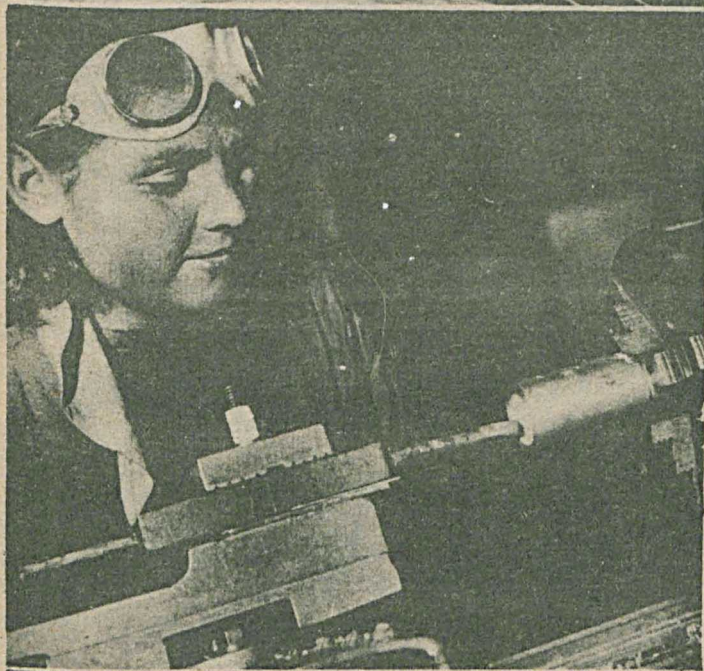
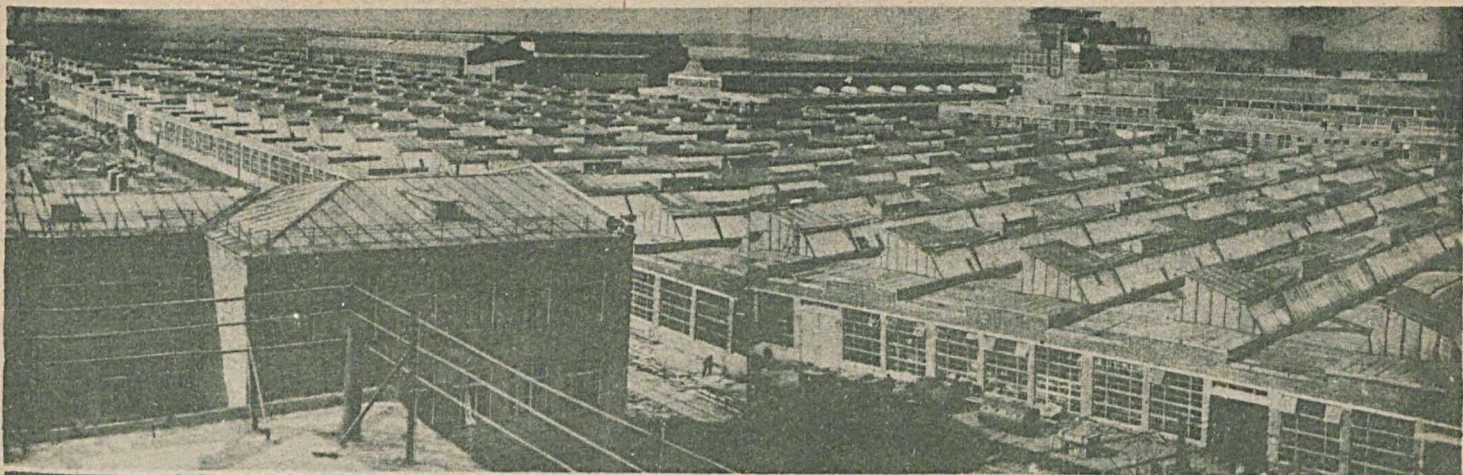

Работчи-изобретатели завода «АМО». Слева вправо: гг. Груздев, Тимофеев, Миронов и Петерсон

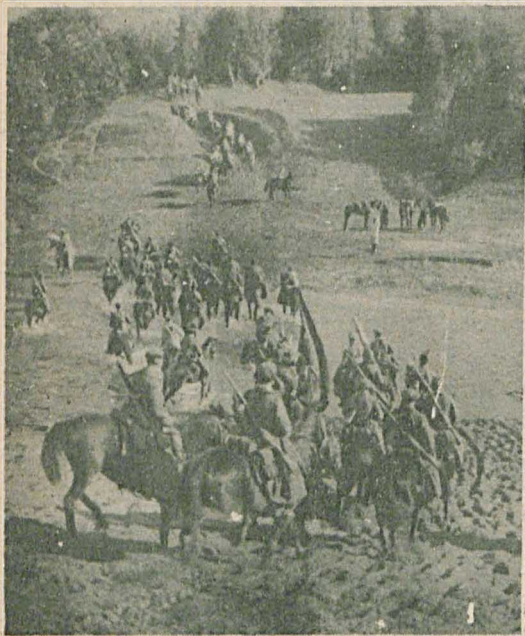
8. Тов. Шевелев, ударник (установщик штампов) завода «АМО».

ХТЗ—НОВЫЙ ШАГ К СОЦИАЛИЗМУ

Пуск второго тракторного гиганта—ХТЗ—крупнейшая победа на фронте социалистического строительства. Путь социализма—путь механизации промышленности и сельского хозяйства. Постройка каждого нового трактора есть реальное выполнение задач социализма. Трудящиеся всего Союза приветствуют энтузиастов-строителей Харьковского тракторного завода. На снимках: вверху—общий вид Харьковского тракторного завода; посередине слева—закачивают сборку трактора, справа—пробная сборка трактора на конвейере; внизу слева—закачивают сборку трактора, справа—митинг рабочих тракторного завода в день XVII МЮД. Фот. А. Шахута

Укреплением боеспособности морских и сухопутных военных КРАСНЫЙ СМОТР

Осенние маневры не только вызвали подъем энтузиазма в рядах Красной армии, но превратились в единую кампанию полной боевой готовности всего населения Советского союза. Растет политическая сознательность красноармейцев. Лучшие бойцы-ударники подают заявления в партию и в комсомол. В честь маневров колхозниками, а также единоличниками организуются красные обозы с хлебом.

Военные части в свою очередь помогают крестьянам на полях: организуют субботники по уборке урожая, роют силосные ямы и траншеи, принимают участие в стройке зимних помещений для скота. Единые и общая общественно-политическая направленность Красной армии и деревни характеризуют осенние маневры этого года.

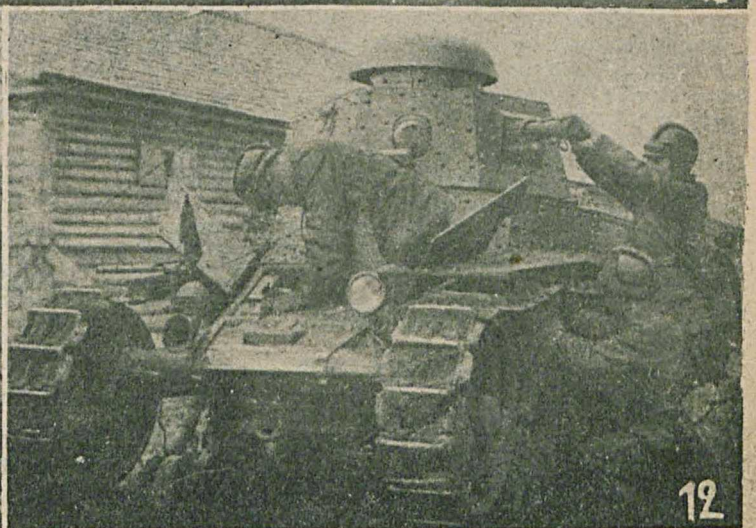
На снимках: 1. Кавалерия в походе. 2. Заправка мотора перед выездом. 3. Противовоздушная оборона (зенитная стрельба с тачанки). 4. Тов. Сидельников—ударник-пулеметчик, вступивший в ВЛКСМ. 5. Пуле-стрельные тачанки переходят в брод. 6. Моторизованный обоз Н-ского полка в походе. 7. Тов. Гордиенко, вступивший в партию. 8. Закрытый военный кооператив на привале развернул работу. 9. Смена наблюдателей в прививочном аэродроме. 10. Тов. Соколов—ударник-боец, вступивший в ВЛКСМ. 11. Бойцы-ударники подали заявления о вступлении в партию. 12. Готовят танк к бою.

Фот. М. Хина

сил обеспечим неприкосновенность рубежей Советского союза

БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ

Ф И Н Н

Пожалуй, я согласен с тем, что говорил вчера участник империалистической Василий Попов.

— Не фронт, а какая-то игра в прятки.

Вот уже седьмой день, как мы, добровольцы-охотники, прибыли из Питера на помощь финским красноармейцам, и седьмой день сидим сложа руки.

В пяти километрах (в Финляндии метрическая система введена давно) от нас помещается наш „нерешительный“ общий штаб. В правой стороне стоит отдельный отряд финской Пунаармии (красногвардейцы).

Против нас, за сосновым лесом, раскинулись по хуторам отряды белых финнов. Где-то в левой стороне, по слухам, стоит отряд, составленный из оставшихся в Финляндии ищеров и солдат бывшего Финляндского полка.

И все молчим.
Молчит штаб.
Молчим мы.
Молчат белые.

Меня только что сменили с передовой заставы.

На улице наступила первая оттепель. Простояв два часа на талом снеге, я промочил сапоги, и теперь к моей головной боли прибавился озноб и жар.

Войдя в избу, я разулся, разостлал у печки шинель и лег.

Кто-то звал „пошамать“, но мне не до еды.

Уснуть, согреть заколеченные ноги, сном стряхнуть привязавшуюся ко мне простуду,—в этом вся моя цель.

Не знаю, долго ли я спал, но проснулся от толчков.

Кто-то усердно награждал меня пинками в бок.

— Вставай...

Протираю глаза. Преду мною Шлямин, тот самый, с кем я утром в поисках молака чуть чуть не затесался к белым.

— Зачем?...—недовольно спрашиваю я, поворачиваясь на бок и чувствуя, что озноб продолжает еще гулять по моему телу. Шлямин сердится.

— Неженка чортова... Командир требует... Задержали какого-то финна и никак не сговорятся. Иди и переговори с ним.

Я протестую и злюсь.

— Слушай, Шлямин, меня бьет лихорадка. Позовите Гришу, мой дядя гораздо лучше знает финский язык.

Но Шлямин неумолим.

— Григорий уехал в штаб. Вставай и никаких разговоров.

Приходится подчиняться.

Натягиваю сапоги и выхожу на улицу. Вечер.

Потаявший за день снег оброс ледяной коркой и теперь хрустит под ногами, как битое стекло.

Переходим дорогу.

В небе яркий свет.

Входя, я вижу картину: за столом Григорьев и два его помощника. Перед ними рослый, одетый в какое-то рубище, пойманный финн.

Все трое всевозможными жестикациями, пересыпанными русским матом, стараются что-то выведать у финна.

Тот сухо, как выученный попка, твердит одно слово:

— Е-ей юмарра, е-ей юмарра (не понимаю).

Но что это?

Финн делает неправильное удурение на произносимом слове.

Странно и непонятно.

— А... а... пришел,—заметив меня, говорит Григорьев и сыплет скороговоркой:—

С час бьемся, и не бельмеса. Спроси, что, как, откуда и зачем шляется.

Я взглянул на финна и поймал его ответный взгляд. В его глазах, мне кажется, мелькнула какая-то затаенная злоба.

Наступает тишина.

Все напряженно вникают в меня.

— Сейчас, мол, вырешит. Белый финн или красный.

Я стою, думаю и подбираю соответствующие слова для допроса.

И опять в голову лезет слово с неправильным ударением.

Ладно.

Начинаю допрос „особым“ методом.

— Антака минуле лейния (дай мне хлеба)—говорю я, обращаясь к финну.

Тот удивленно смотрит на меня и, улыбаясь, отвечает.

— Ей елла (нету).

Опять думаю и опять тишина, напряженные взгляды.

„Ей елла“ выговорил чище, но все-таки мне кажется, что он не финн.

Но как узнать? Стараюсь подобрать более трудные, редко произносимые слова. Меня не интересует, для чего он забрел сюда. Хочу узнать главное—кто он?

И вдруг... Блестящая мысль...

Я его поймаю на простую удочку.

Весело и радостно спрашиваю финна.

— Комрай? (товарищ)

— Ю, ю, ю... (да, да, да).

И тогда, тем же радостным тоном я огорошиваю финна произношением чисел на шведском языке.

— Фем, лекс, отто, тие? (5, 6, 8, 10).

Не поняв, что я произнес, и, по всей вероятности, думая, что продолжаю справляться о его „товариществе“, он не задумываясь опять отвечает кивком головы и заученным словом.

— Ю, ю, ю...

Теперь мне все ясно. Преду мною не финн, а замаскированный под финна шпион. Молча выхожу в сени, за мной недоумевающий Григорьев.

— Какого чорта сбежал?—грубо набрасывается на меня Григорьев.

Я шопотом сообщаю ему о своем открытии.

Удивленное лицо и растянутые слова.

— Вон оно, что...о...о — и торопливо добавляет:—Знаешь что, Кулашев, я продолжу твою шутку, а ты наблюдай за финном.

Вопли. Слезу за пойманным Григорьев четко и резко отдает приказание.

— Пойманный прижался, что он белый шпион. Отвести в лес и пустить в расход.

Вижу, как у финна нервно вздрогнуло лицо и рывком сжалась в кулак пальцы.

— Русский, сволочь?..

И неожиданно для себя я выпаливаю слова:

— Господи, а вы из какой губернии? Григорьев заливается звучным смехом, недоумевающее смеются остальные.

Финн долгое время молча оглядывает смеющихся. Чувствуется, что в нем происходит борьба. И когда, решив, что он пойман, что ему не вырваться, он старается выдержать свой мужественный вид, чуть слышно, но четко и ясно, по-русски, он выдавливает слова:

— Кажется, разгадали?..

— На шведском влопались,—говорю я. Он мне не отвечает и поворачивается к Григорьеву.

Пропал смех.

Напружиненный Григорьев сверлит глазами признавшегося „земляка“.

— Найденный при обыске финский паспорт не ваш?

— Ясно.

— Обыскать вторично,—обращается к нам Григорьев,—распороть всю одежду и сапоги.

„Финн“ отстраняет подошедших.

— А разве вам мало улики?

— Офицер?—допытывается Григорьев.

— Хотя бы и он?..

Начинается короткая перестрелка словами.

— Откуда?

— От белых.

— С какой целью?

— Поразузнать.

— Что?

— Сколько вас и что у вас.

За этим ответом Григорьев с некоторой иронией спрашивает „доблестного“ офицера:

— Скажите, пресловутый приказ „русских добровольцев в плен не брать, на месте не расстреливать, но уничтожать“ исходит от вас?

Офицер отвечает уклончиво.

— Таков закон нашей войны.

Закон войны?

Преду мной в глазах мелькает лес. Группа белых, ведут пойманных ими двух наших разведчиков—Курчавого и Пашку.

С усилием пагибаются стоящие рядом тонкие сосны. Пойманные привязываются к соснам за ноги вниз головой. Рывок. Безумные крики и медленные удары пашки от пах вглубь до груди.

Режим крикливым голосом я кричу в лицо офицера:

— Рвать человека, это у вас закон войны, да?..

Он обдаёт меня холодным взглядом и с усмешкой отвечает:

— Когда разговаривают взрослые, мальчишка должен молчать.

Григорьев с силой ударяет по столу кулаком.

— Не разыгрывайте барина!

— Но ведь и вы меня разорвете,—повышает голос офицер.

— На вас у нас хватит пуль,—тем же тоном отвечает Григорьев.

Мне становится плохо. Кружится голова и зубы начинают чаще отбивать дробь.

Я выхожу на улицу.

На улице вспоминаю, что в этой же избе, в задней помещается неразлучный с нами фельдшер Панфилич.

Захожу к нему.

Панфилич сидит за столом и читает какую-то книжку.

Услышав скрип растворяемой двери, Панфилич поворачивается в мою сторону и своим мягким голосом спрашивает:

— Что, сынов?

Я объясню причину своего прихода. Панфилич достает термометр, и, пока он у меня подмышкой, я рассказываю Панфиличу, что происходит в передней.

— Попался, одним меньше, и ладно,—коротко отвечает Панфилич, протирая куском марли очки.—Данай-ка термометр.— Долго смотрит на поднявшуюся ртуть, потом как бы с ужасом замечает:

— Э... э... э... сынок, да у тебя тридцать восемь и шесть... Тебе сейчас горяченького чайку с малинкой да в теплую постельку, но...—Он разводит руками и горестно заканчивает:—У вас холодно. Сегодня холодно, а завтра может быть будет жарко. Так, что ли?

Я соглашаюсь с его мнением.

— То-то же... А пока выпей вот эту парочку, укутайся шивелькой и поспи малость.

Я беру порошки и ухожу.

Заливая хину горячим чаем, я слышу несколько коротких выстрелов.

С этими выстрелами закончилась жизнь „любопытного финна“.

КРАСНОЗНАМЕНЕЦ *

Сегодня я встретил того, о котором
Мы с ласкою говорили

„Старик“.
Ржавой и открытой,
Щетлистые споры
По-ленински он разрубал напярмяк.
Шла слава
О крепком начальнике штаба.
И в тучный,
Кулацкий
Чубатый район
Шел наш агит-поезд,
Шумливый, как табор,
Под пули,
Царапающие вагон...

Тверская (прохожие, лэкти).

Два слова:

— В Москве?

— На недельку и снова в песок! —

Он тот же:

Шрапнелью, как оспой, исклевая,

И новое

Только —

Седые виски...

Батрак,
Самоучка,
По крови свой выбор
Он отдал —
Как отдал бы кровь! —
Октябрю.

Дубы корчевать,
Разворачивать глыбы,
Сквозь пули,
Сквозь проволоку,
Но — в зарю.

Недаром
Топорщились панские рожи,
Когда его корпус
Попел поперек,
Хлеща отступающих
Дымной поршей,
И перьев
Шляхетный орел не соберет...

Батрак и армеец,
Он стал инженером.
Но маузер,
Но ранец походный готов.
Но орден в петлице
Багряный на сером —
Короткая сводка
Со многих фронтов.

Как трактор из ташка,
Покой не зная,
С контузией,
Прошнуровавшей плечо,
На спор
С магометовой хитростью бал,
На хлопок
Он партий переключен.
Процеживал он Колчака
Сквозь бинокли
И сильно ударил
По гладкой руке
(Деревья
От синего пороха блёкли,
Щипели осколки
В широкой реке...)
Сегодня ж
Воюя с шакалей пустыпей,
Где мало еще и арыков и школ,
Он знает —
Кабаньим болотам и глине
Наступит на легкие
Хлопковый дол.
И через те реки,
Из враг побежденный
И армия вслед ему
Двигались вброд,
Текстильного снега
Тугие вагоны
В Орехово-Зуево
Шлет хлопковод.

НОЧЬ ПОЭТОВ В ТАШКЕНТЕ

Ташкент — один из прекраснейших городов в мире. По его улицам ходишь, как по аллеям парка. По улицам европейской части города, конечно, ибо русские колонизаторы не заботились ни в какой мере об узбекской части.

Только с момента национальной независимости старый город, до сих пор представлявший собою всего лишь занятый для туристов образец „азиатчины“ — скорбный триумф грязи, превращается в центр культуры, где имеются клубы, красивые чайханы, театры, школы, больницы. Облик города постепенно меняется. Земляные дома разрушают, рабочие поселки нового типа отвоевывают у них территорию. На месте узких улочек и прахом рассыпающихся домишек прокладывают широкие пути, насаждают деревья там, где царское правительство не нашло бы сделать ничего лучшего, как водрузить виселицы.

Раньше обоими городами издавалась всего на всего одна газета „Туркестанская газета“.

В настоящее время помимо русских газет старый город жадно поглощает „Кэл Узбекистан“ („Красный Узбекистан“), „Ихчи“ („Рабочий“), „КолхозМунъе“ („Путь колхоза“), „Иок Ленинши“ („Ленинская молодежь“), „Ианкиул“ („Женская газета“), выходящие в количестве 120.000 экземпляров, напечатанных двумя шрифтами — одна половина всего количества экземпляров арабским, другая — латинским.

Вот здесь-то, в старом городе, и получили мы однажды вечером приглашение на ужин от Ассоциации пролетарских писателей Средней Азии. Ассоциация эта совсем юная, она сейчас в пору цветения и ее благоухание нянчит молодых энтузиастов. Пройдя малюнькой улочкой, неподалеку от чайханы, против мечети Тиканлик Мазар, мы поднялись по лестнице и вошли в просторную комнату, с окнами, настезь открытыми в лунную ночь, и где единственным украшением на стенах были громкоговоритель и огромный шелковый ковер, который, казалось, попал сюда из сокровищницы эмира бухарского. На земле — другой ковер, закрывающий весь пол, на нем расставлены тарелки с яствами, предназначены для нас, 120 блюд доверху наполнены фруктами, овощами.

Посреди ковра, в кольце чашек, возвышается китайская ваза с вином.

Нас, гостей, 40 человек, принимает нас в своем доме от имени писателей Гафур Гулиам, а вместе с ним и его жена-узбечка, и старшая его дочурка по имени Инак, что значит „шелк“.

Гафуру Гулиаму 25 лет. Он блестящий очеркист и новеллист, его „13 повелл“ скоро выйдут на русском языке в Москве. Он переводит на узбекский язык Малковского, Демьяна Иедного и Бехера. Для того, чтобы передать на своем языке понятия нового мира, ему приходится создавать неологизмы, и, по общему признанию, он это делает гениально. Сегодня вокруг него собрались туркмены, узбеки, киргизы, казаки, таджики, русские и татары, — все молодежь.

Усаживаемся на подушки по краю ковра, спиной к стене, и томада! Акундов, один из лучших поэтов Узбекистана, разувается и идет к середине скатерти, наполняет чашки вином и следит за тем, чтобы все шло.

Едим и беседуем.

И вот что поражает нас прежде всего: это — удивительная осведомленность всех

этих пролетарских писателей в области международной литературы.

Бахадеров, узбекский поэт, металлист и ударник Сельмашстрой, интересуется Барбюсом и его газетой „Тонде“, спрашивает, удалось ли Барбюсу избавиться от окружавших его путаевков.

Бессонов, сборщик машин с того же завода, расспрашивает о впечатлениях Арагона от поездки в СССР, интересуется, научился ли тот партийной дисциплине.

Миша Родионов кажется специалистом в области немецкой литературы, он жонглирует именами Людвига Ренна, Вили Вредели, Оттвальта и Грюпберга.

Моего переводчика на узбекский язык Адима Рошими интересует последний этап эволюции Романа Роллана, он спрашивает меня, в какой мере друзья Роллана по журналу „Европа“ являются соратниками в деле защиты СССР.

Где и когда, разрешите вас спросить, найдете вы группу писателей, которые были бы так хорошо осведомлены о событиях международной литературной жизни?

И смело бросаю вызов всей французской буржуазной литературе: назовите мне хотя бы одного узбекского революционного поэта.

И не забываете, что все эти молодые люди, здесь собравшиеся, — рабочие.

Ли Голодович, организатор Ассоциации, член партии с 1913 г., знакомит теперь нас с литературным обликом своих товарищей.

Это — не монолог, это — горячая дискуссия; ни один не оставляет без ответа расточаемых ему похвал или критики, но все это происходит в веселом товарищеском тоне и в тоне беспощадной сатиры.

В пух и прах разнесет „Американец“ стоит в очереди Колесникова, „Китайско-го фокусника“ Титова, поэму „Классовая борьба“ Акундова, „Киргизский мятеж“ Дина Сатдова, „На всех фронтах“ Хамила Али Джанова, „Поджигательницу“, и перевод „18 утопленников“ — туркменской поэмы, и последний сценарий фильма Адиль Рошими.

Так проходит часы в новой, небывалой литературной атмосфере, насыщенной интересами национальной культуры, и революционным лиризмом и политической волей, в среде молодых рабочих восьми национальностей, поставивших себе задачей согнуть сталь своего поэтического дарования, подчинив его служению социализму.

Жестокая самокритика на основе ленинизма и генеральной линии партии определяет характер всей дискуссии.

Как мы здесь далеки от литературных кафе, от взаимного восхваления, от продажности журналистов и публицистической гнусности и до какой степени живым является каждый из этих рабочих-творцов!

Пока мы едим плов, Камиль Али Джанов, сидя на корточках рядом с хозяином дома, поет узбекскую мелодию и тарелкой, которую держит близ рта, регулирует резонанс.

Кто то включает громкоговоритель, мы слушаем передачу на английском языке последних известий из Калькутты.

За окном, в ночи, муэдзин с вершин минарета Тиканлик Мазар призывает последних верующих к шестой молитве, а там внизу, в первом этаже того же минарета, приоткрылась коммунистическая ячейка, и при свете маленькой керосиновой лампы работа идет там до глубокой ночи.

ПО СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

ЛЕЙПЦИГ

Очерк Н. А. Горкина

Лейпциг не только главный торгово-промышленный центр Саксонии, но ему по праву принадлежит и одно из первых мест в ряду других городов, имеющих общегерманское культурно-политическое и хозяйственное значение.

История развития Лейпцига — это одна из интереснейших страниц германской социально-политической и экономической жизни. Возникнув в VIII веке на месте слияния исторических рек Парты и Плайсы, Лейпциг уже в XI столетии стал играть роль торгового узла, в котором скрещивались тюрингский, польский, северо-германский и богемский торговые пути. Примерно в ту же пору Лейпциг получил специальный патент на право устройства ежегодных ярмарок, что дало ему огромные преимущества по сравнению с целым рядом других конкурировавших с ним городов.

В 1409 году состоялось открытие первого лейпцигского университета, немедленно привлечшего в свои стены все лучшие силы из рядов пражских политических эмигрантов. Уже в следующем столетии интерес к Лейпцигу вышел далеко за пределы Германии, так как именно здесь происходила та идеальная борьба между Лютером, Карштейном и Экком, которая сыграла такую выдающуюся роль в судьбе европейской церковной реформации.

30-летняя и 7-летняя войны нанесли молодому городу непоправимый материаль-

ный ущерб. В особенности — семилетняя война, стоившая Лейпцигу огромной денежной контрибуции. Но самый тяжелый момент выпал на долю Лейпцига в исторические дни 18-19 октября 1813 года, когда в окрестностях его разыгралась знаменитая „битва народов“, исход которой, можно сказать, решил судьбу всей тогдашней Европы. Это событие на многие годы оставило неизгладимый след на физиономии Лейпцига. Понадобились долгие десятилетия для того, чтобы заново отстроить или хотя бы исправить причиненные в эти дни разрушения.

В 1836 году в Лейпциге была открыта так называемая „Книжная биржа“, а еще через три года — построена первая железнодорожная линия, соединившая Лейпциг с Дрезденом. Вместе с вступлением Саксонии в германский „таможенный союз“ это обстоятельство дало новый толчок к экономическому и политическому росту Лейпцига. Но как раз в тот момент, когда рост стал достигать своего апогея, снова разыгралась события, нанесшие Лейпцигу еще один чувствительный удар: в 1866 году прусские войска заняли столицу Саксонии в наказание за поддержку, оказанную последней Австрии. Это потрясение можно считать последним в ряду многочисленных испытаний, непосредственно пережитых Лейпцигом до второй половины XIX века. Последовавшее затем национальное объединение Гер-

мании и связанное с ним мощное социально-экономическое развитие быстро обеспечили за Лейпцигом руководящую роль не только в Саксонии, но и во всей стране.

Одновременно с хозяйственным развитием росло и социально-политическое значение саксонской столицы. Играя крупную роль в общей системе капиталистического роста Германии, Лейпциг занял далеко не последнее место и в истории классовой и революционной борьбы германского пролетариата.

16 апреля 1862 года в прокуренном и пропитанном запахом дешевого нива зале третьестепенного трактира „Сан-Суси“ впервые раздался пламенный призыв молодого Лассала. А в мае следующего

года в Лейпциге возникла первая политическая организация германского рабочего класса — Всеобщий союз германских рабочих.

В последующие годы Лейпциг являлся ареной ожесточенной борьбы между Лассалем с одной и Бебелем и Вильгельмом Либкнехтом — с другой стороны. Австро-прусская война сыграла решающую роль в деле окончательного оформления принципиальных разногласий между обеими борющимися группами: лассалианцы голосовали за военные кредиты, положив начало той соглашательской политике с прусским империализмом, которая по сей день характеризует германскую социал-демократию; между тем как Либкнехт и Бебель решительно и категорически отмежевались от захватнической политики прусской монархии, поднявшись в своем протесте против оппортунистической и социал-патриотической позиции лассалианцев до подлинной высоты классово-революционного пролетарского самосознания.

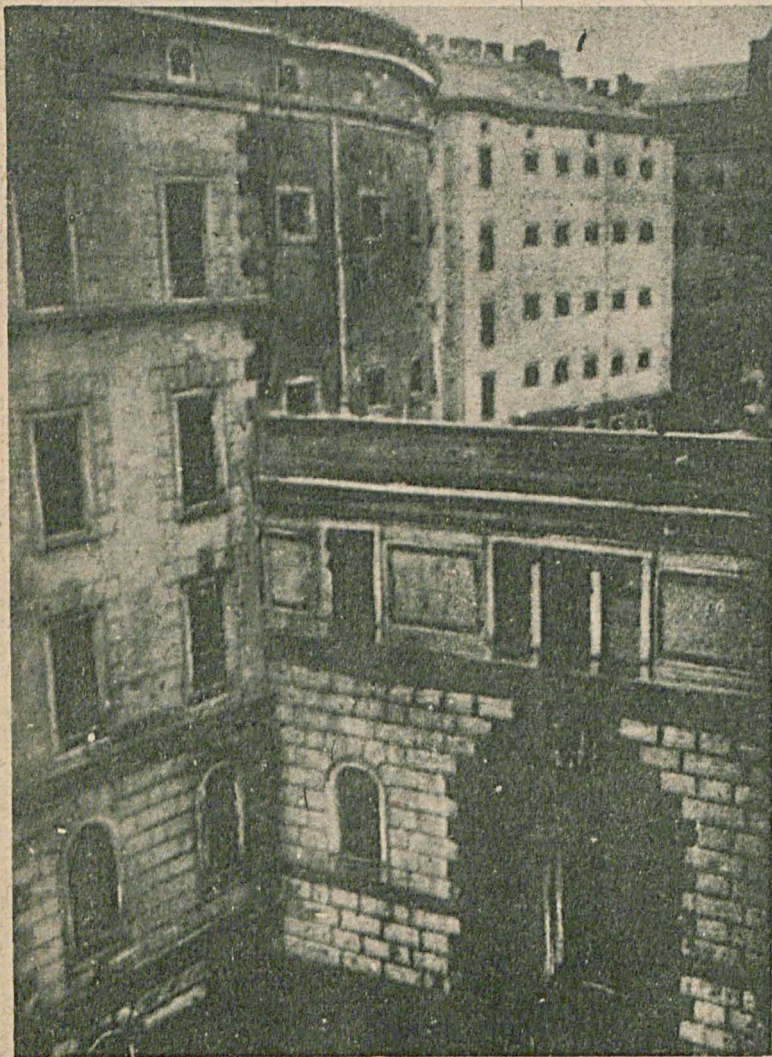
В 1872 году в лейпцигском суде присяжных был инсценирован первый процесс против революционных вождей рабочего класса, в результате которого Либкнехт и Бебель были осуждены на два года крестов. В 1876 году в Лейпциге стал выходить „Форвертс“ — первый орган объединенной социал-демократической партии. Здесь же родилась и другая рабочая газета — „Факел“, превратившаяся векоре в подлинное знамя саксонского пролетариата.

Мрачное десятилетие 1878—1883 гг. прошедшее для всей Германии под знаком так называемого „закона против социалистов“, которым молодой германский капитализм пытался оградить себя от растущего профессионального и политического движения, стоило пролетариату Лейпцига немало тяжких жертв. Но даже и после того как центр политической жизни рабочего класса был перенесен в Берлин, Лейпциг все еще продолжал сохранять видную роль в истории германского рабочего движения.

Возникшая в 1894 году „Лейпцигская народная газета“ („Лейпцигер Фольксцейтунг“) несколько десятилетий служила школой революционной борьбы, из которой вышло немало вождей германского и международного пролетариата. На столбцах „Лейпцигской народной газеты“ оттачивали свою теоретическую мысль Бруно Шенлак, Манфред Виттик, Меринг, Карский, Роза Люксембург, Карл Радек, Карл Либкнехт. Вокруг ее редакции концентрировалось все лучшее из передовых пролетарских сил Германии.

В 1912 году в Лейпциге стали формироваться первые ячейки той боевой организации германского рабочего класса, которая под руководством Карла и Розы вылилась впоследствии в героический союз спартаковцев. Отсюда в 1915 году горсточка самоотверженных революционных марксистов начала неравную борьбу против милитаристского безумия и предательской политики социал-патриотов.

Памятник над братской могилой первых кровавых жертв германской революции свидетельствует о том, что и революционные бои лейпцигский пролетариат встретил сомкнутыми рядами своих лучших сынов. 15 января 1920 г. в Лейпциге возникла первая в Саксонии организация коммунистической партии, которая с тех пор не раз показала, что она достойна славных традиций красного Лейпцига.

Торня „Вахтербург“ в Лейпциге

Красный день в Лейпциге. Отряд барабанщиков и трубачей на Августенплац.

Несмотря на бешеную реакцию, систематически вырывавшую лучшие силы из ее рядов, несмотря на предательство социалфашистов и так называемой „оппозиции“, подрывавших ее изнутри,—коммунистическая организация лейпцигского пролетариата, являющаяся одним из передовых отрядов германской компартии, высоко держала и держит знамя марксизма-ленинизма. И в тяжелые годы кризиса мирового и германского капитализма она— вместе со всей германской компартией— является единственной силой, способной руководить боями рабочего класса и вести пролетариат к окончательной победе.

Несмотря на древность своего происхождения, Лейпциг не донес до наших дней почти никаких остатков своего далекого прошлого. Многочисленные разрушения, пережитые им до половины XIX века, стерли с лица земли все оригинальные следы первоначального скромного поселения славянских рыбаков и не пощадил даже последних остатков средневековья. Вышедший Лейпциг— весь в новом времени. На его современном облике, окованном монументальным гранитом, нельзя прочесть ни одной живой строчки былых времен. Только гранитные глыбы его па-

мятников да кое-какие намеки в музеях смутно напоминают о периодах его мучительного и медленного роста. В самом же городе нынешний посетитель не найдет ничего, что отвлекло бы внимание от новейшей эпохи индустриального и капиталистического развития.

Во внешнем наряде Лейпцига— все свежо и громоздко, как в заново обставленной квартире разбогатевшего разночинца. В каждом строении, почти на каждом квартале центральной части города лежит иркий отпечаток неуемной ревности к другим— германским и иностранным— перворазрядным городам. „Чтоб было, как в столице“,— вот тот кричащий неписанный лозунг, который можно без труда прочесть на каждом частном доме центрального района, на архитектуре общественных зданий, на распланировке города, на рекламе местной табачной фабрики и даже на лицах лейпцигских буржуа.

Но из-за этого внешнего стремительного порыва скрыть свое прошлое и опередить настоящее— просто душно и бесхитростно выглядит провинциальная традиция близкого вчерашнего дня и тщетно замазанная нищета пролетарских кварталов.

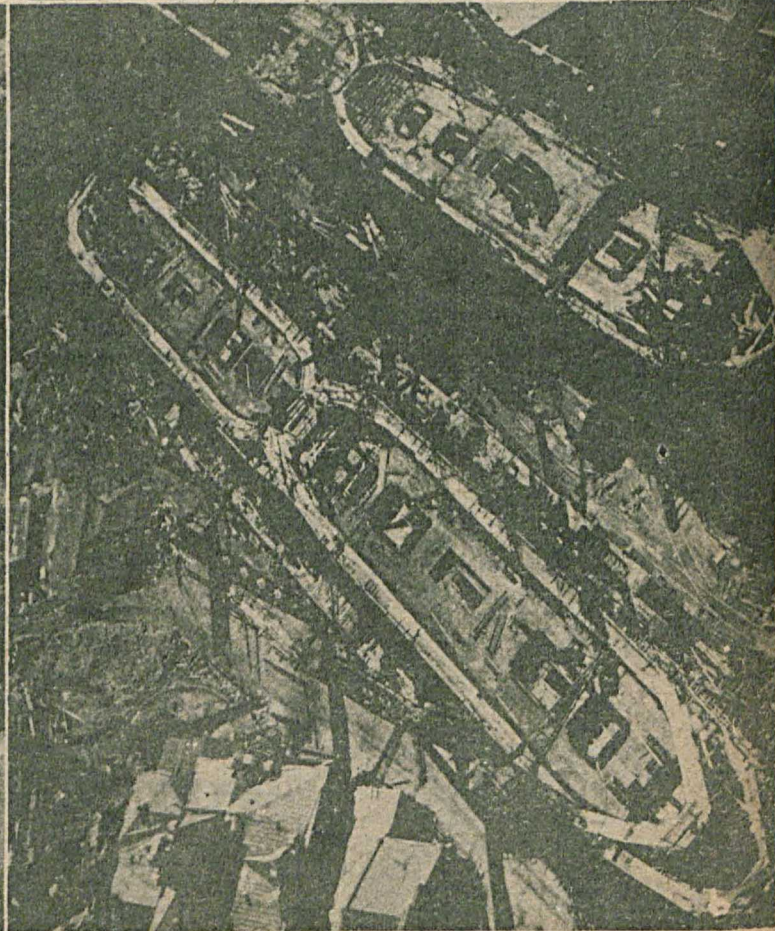
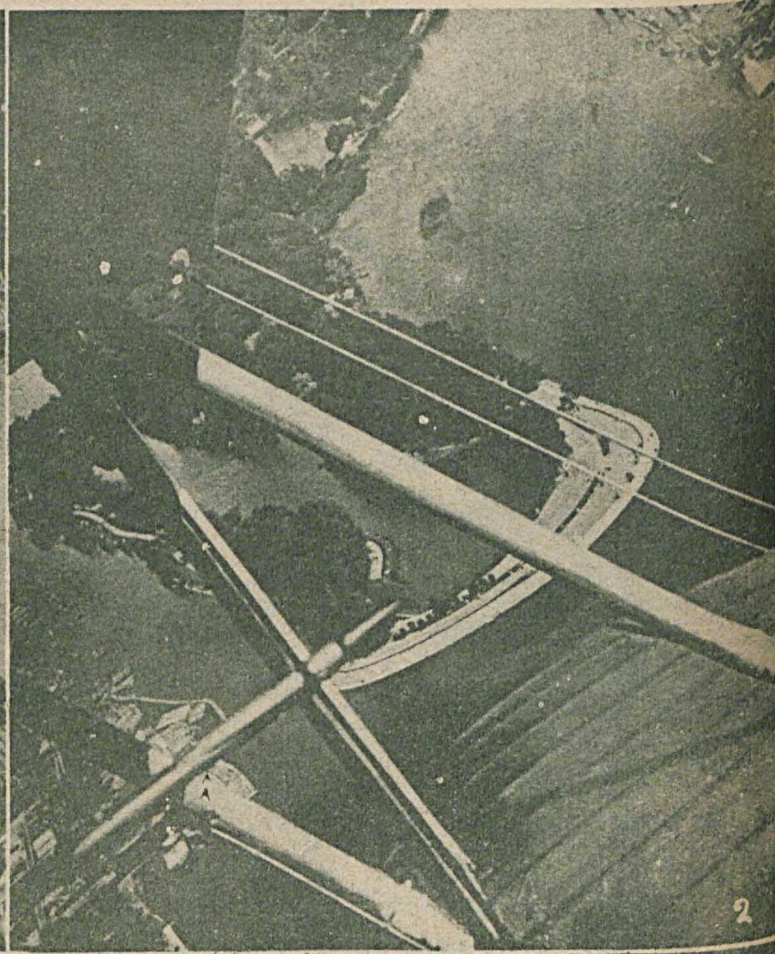
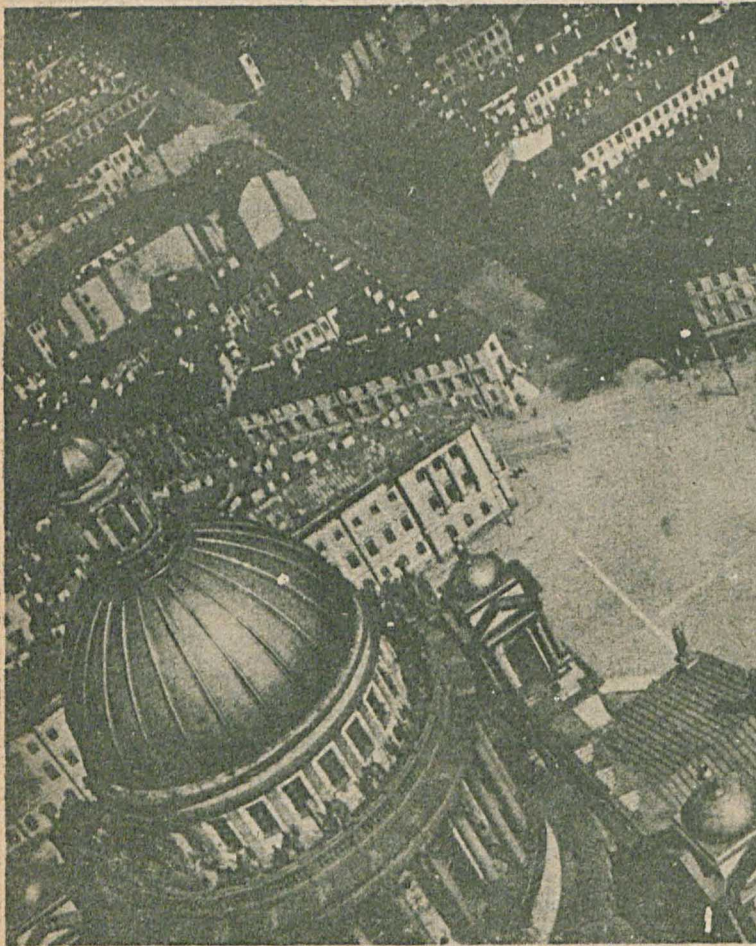
Шумный современный город как-то внезапно обрывается и почти в самом центре

сменяется тихими зелеными уголками с низкими домиками, в которых вместо громкоговорителей тихо звучат заглушенные звуки старого бютнеревского рояля, а на книжных полках— вместо Ремарка стройно ютятся золотом тисненные томки Лессинга, Гердера, Шиллера.

А в пяти минутах хода от этих очагов, над которыми витает тихий дух изжитой романтики времен студенческих лет Гете, сухой стрекот тысяч печатных станков, гулкое уханье паровых молотов, острый запах свежесушеной кожи, вереницы быстро мчащихся грузовиков; мрачные зигзаги недоступных для солнца переулков, густо утыканные неопрятными и перенаселенными домами и кишачище рахитичными, землисто-желтыми пролетарскими детьми. И тут же рядом— серая глыба верховного суда, этой адской кухни германского фашизма, ежедневно поглощающей сотни пролетарских жертв.

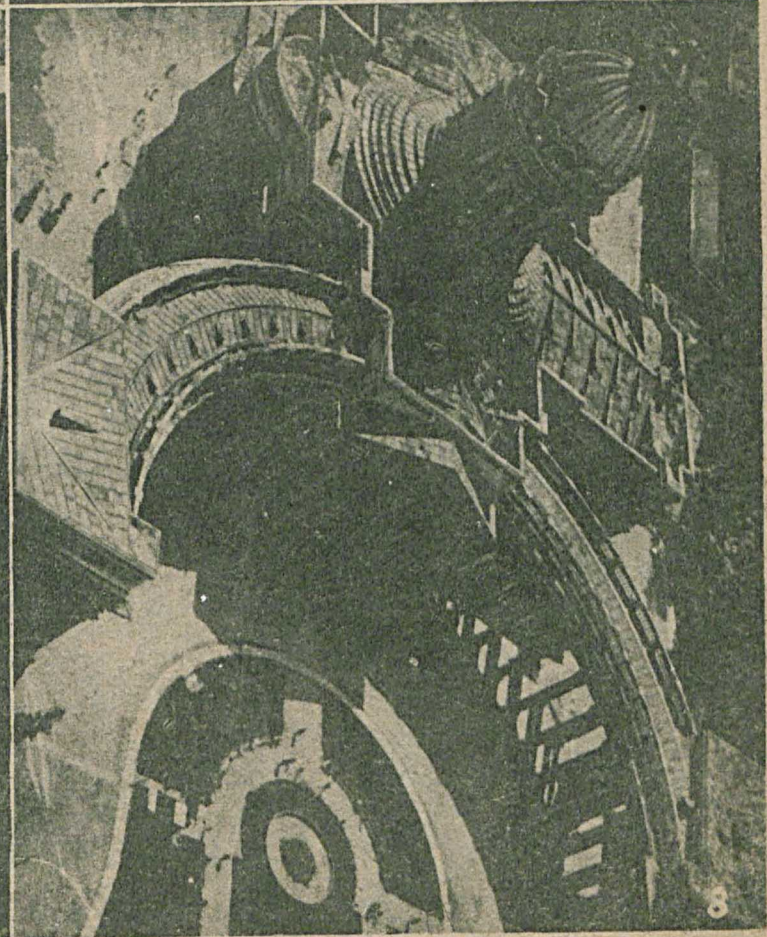
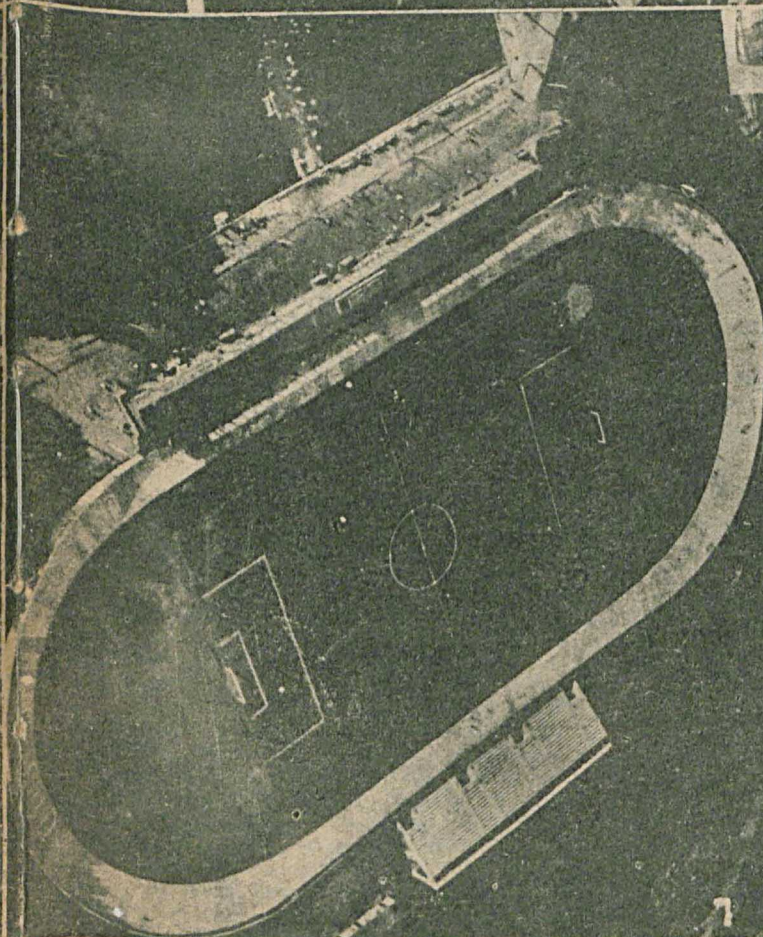
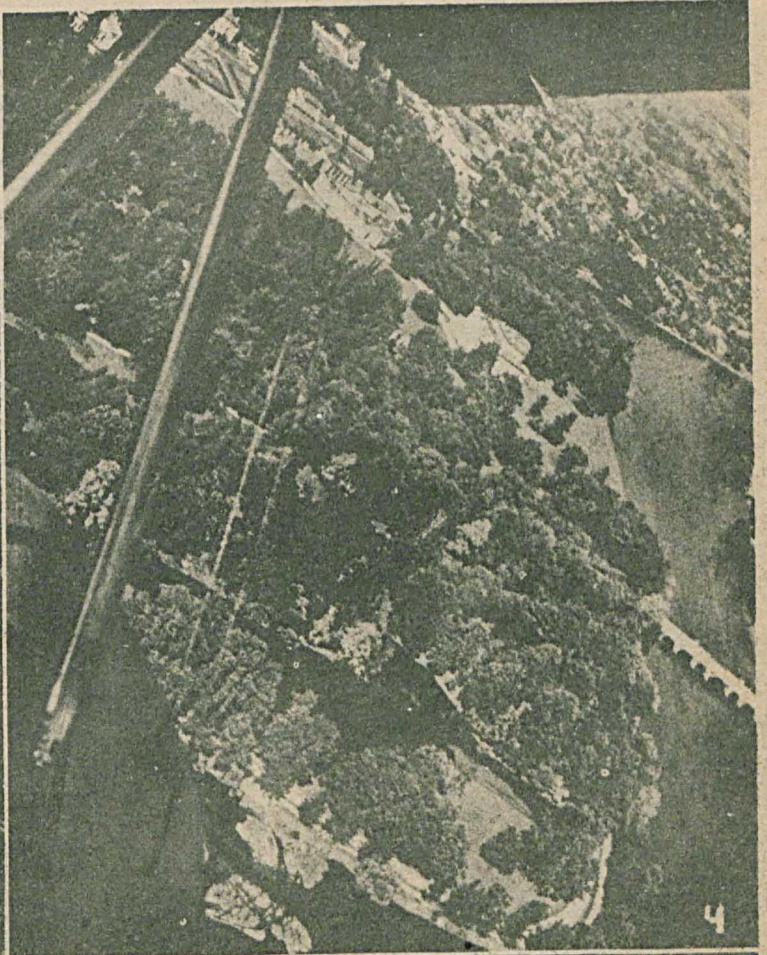
Дыхание времени безвозвратно унесло в прошлое древний и средневековый Лейпциг. Но и у нового Лейпцига три лица: сосредоточенного ученика Геллерта, Гильдебранда, Вундта и Бюхера; бойкого торговца международной капиталистической ярмарки; и одного из самых крупных и переловых центров пролетарской Германии.

ГОРОД ЛЕНИН

На снимках: 1. Псковский собор, ныне антирелигиозный музей. 2, 3 и 4. Острова — будущий парк культуры и отдыха.

А С В Ы С О Т Ы

5. Завод «Красный выборжец». 6. Балтийский судостроительный завод. 7. Стадион «Динамо». 8. Кляевский собор

Фот. Б. Игнатовича (группа «Октябрь»)

УРАЛОВ

Уралов заболел. Он несколько дней крепился и не обращал внимания на свою болезнь. Но голову ломило, тело горело и он чувствовал большую подавленность. Плохо было еще, что на неделю в экскурсию уехала Толя. Он остался один и по утрам с трудом подымался с постели. На третий день вечером он наслушал досидел на лекции. Не помнил, как доехал домой. В трамвае из окон высказывали формулы, строились углом, как гуси, и летели ему в глаза.

— Завтра пойду в амбулаторию,—решил он.

Путь к дому казался новым, необычайно длинным. На углу Уралов мучительно думал, в какую сторону ему надо свернуть.

Где-то гудит мотор. Эскадрилья аэропланов летит над крышами домов, но как она странно летит: сверху вниз по вертикали, и хвост каждого аэроплана летит отдельно.

Уралов стискивает зубы и идет к лестнице. И ползет. Потом встает. Еще одна минута, и он, радостно смеясь, закрывает за собой дверь, поворачивает шпенселя и падает на кровать. У него еще хватает сил снять ботинки. Делает он это с длительными перерывами, которых не замечает. Потом долго играет духовой оркестр и играют „Молодую гвардию“. Неловко лежать на кровати, когда играют такой бодрый марш, надо встать. Кровать скрипит от напряжения и взвизывает изголовьем, как лошадь, становящаяся на дыбы. Уралов хватается за подушку, но это рысь с зелеными глазами, и она лижет ему лицо шершавым драповым языком.

— Чепуха,—ревет Уралов,—не поверю. Кш, кш, сволочи.

Кровать становится на все четыре ножки, и подушка покорно принимает его голову.

Уралов оглядывается.

— Дайте спать,—устало просит он.— Утром я буду здоров.

Но трудно сказать, наступило ли утро. В комнате горело электричество, и через окно свет неохотно валился на пол четырехугольными кусками и там потухал и таял. Самое скверное, что не было тишины. В комнату по длинным трубам впускали узкие, синие злые свисты, желтые звонки и черное гудение. Уралов очнулся на минуту, побитый и жалкий. Рот был обложен свинцом, тело утыкано сухими острыми косточками.

„Здорово болен“—подумал он, опустил ноги на пол, встал и повалился.

„Ослабел как малютка“—не сердясь подумал он и пополз к столу. Полз долго и, ухватившись за стол, забыл, что хотел тут взять. По углам комнаты запрыгали кролики, один стал пить воду из книги, и Уралов замялся от радости—он вспомнил, зачем полз к столу. Встал на колени и ухватился за чайник, почти полный водой, придвинул его к себе и не подымал ни из горлышка. К нему вернулись силы, и он поставил чайник на стул к постели. Откинул одеяло и разделся. Уже лежа, выпил еще воды и взял книгу, лежащую на стуле. Но от слов отклеили их смысл. Они отдирались от книжных строчек, лезли под череп и вываливались оттуда.

— Ко-тел, нагревался,—прочел Уралов,—котел... ко-тел... Какие бессмысленные звуки... Что такое ко-тел?

Книга осторожно освободилась из его рук и покатилась в угол комнаты. Там она что-то сделала с собой и стала круглой, потом завертелась. Вертелась она сначала медленно, потом быстрее. Она взбухла, росла, и вместе с ней начали вертеться и другие вещи. Воздух густел, он становился

мясистым, шероховатым и неприятно касался лица.

— Я не верю,—громко сказал Уралов.— Мы такие штуки видели в кино.

И он должен был схватиться за кровать, которая начала двигаться.

„Не догадался привязать ее к стене“—подумал Уралов, но стена тоже двигалась. Он с ужасом смотрел, как она вылезала из-под потолка и трещала обоями.

— Дом развалишь,—закричал Уралов, но стена, подмигнув ему синими цветами обоев, ловко прошла под потолком и начала вертеться.

Кровать неумело скакала, громыхая, как сошедший с рельсов трамвай. Раз она даже пыталась выпрыгнуть в окно, но окно оказалось слишком узким. Стол прыгал до потолка и, падал, приседал, сгибая деревянные ножки, как на гимнастике. Потом все затихло и можно было лежать спокойно и даже спать.

Уралов проснулся от собственных стонов. Невысомо горел правый бок. Губы так склеились, что больно было открыть рот. Уралов хотел поднять руку, но рука не слушалась, шевельнуть ногой, но она равнодушно лежала под одеялом.

Отворилась дверь, и вошел Андрей Иванович—сосед Уралова, бывший домовладелец. На его ногах были белые лосевые штаны, какие носили во время Александра I, а на голове корона с трехцветным флагом. Андрей Иванович молча смотрел на Уралова, шипел и моргал красными глазками.

— Болен?—спросил он и стал подвигаться ближе к постели. Он потрогал лоб Уралова и оглядел комнату. Брезгливо посмотрел на книги, толкнул ногой одну, лежащую на полу, и обернулся к Уралову.

— Понимаете, что я вам говорю?—тихо сказал Андрей Иванович.—Почему вы кричите и разговариваете? Ночь ведь. Бред у вас, что ли?

Он пошел к двери и выглянул в коридор. Уралов зажмурился—был или не был в комнате Андрей Иванович? Но вот он опять стоит перед кроватью, и желтые зубы светятся у него изо рта, как редко наизнанные янтарные четки.

— Понимаете, что я говорю?—тихо повторил Андрей Иванович и внимательно посмотрел на Уралова.—Не отвечаете-с... Стало быть, и вправду вы больны, господин комсомолец? Так-с...

Очень неприятны были зубы Андрея Ивановича, и главное глаза—плоские, грязноватые фаянсовые чашечки, налитые мутной с жирными отблесками жидкостью, в какой художники моют кисти.

— Вам помочь надо, но извините, не могу-с,—говорит Андрей Иванович.—Хоть я христианин, но не могу. Ненавижу.

У него было два лица, две головы,—на одной корона, а на другой просто серые лохматые старческие волосы.

— Давно собирался с вами поговорить,—усмехается Андрей Иванович,—и признаюсь, рад такому случаю. Вы меня, возможно, не слышите и не понимаете, но это ничего, это даже к лучшему.

Он оглядывается, машет рукой и садится.

Синие огоньки бегут в болотцах его глаз, и он наклоняется к Уралову.

— Почему вы посягаете на церковь?—строго спрашивает он.—Кто вам дал это право? Знаете, как прежде поступали с еретиками, которые осмеливались делать подобное вам? Они уничтожались беспощадно, их истребляли, как диких зверей, и никто не жалел об их гибели.

Уралов лежит без сил, и волны жара пробегают по его телу. Но он отвечает

Андрею Ивановичу, или ему только кажется, что он отвечает?

— Я не вижу ничего хорошего в религии,—говорит он.—Религия—организованное надувательство, обман. Неужели вы сами не понимаете этого?

— Религия дает утешение страждущим душам,—говорит Андрей Иванович.—Она направляет их нравственность и способствует милосердию. Разве вы не знакомы с деятельностью и жизнью первых христиан и святых подвижников?

— Это которые мощи?—насмешливо спрашивает Уралов,—те, которые состоят из ваты и костей? И вам не стыдно верить в них? Вы старый человек и хорошо знаете жизнь, а говорите жалкие бессмысленные вещи. Религия не способствует милосердию. Когда попы заступались за обиженных? Когда они не держали руку правящих, богатых и сильных? Кто создал самую жестокую организацию в мире—святую инквизицию? Кто сжигал женщин и детей? Хотите, я буду говорить час и приводить примеры жестокости и вредности религии? Вы и сами не верите, вам просто выгодно верить, да и привычка заела вас.

— Ничтожество, попугай, натасканный на чужие слова,—торжественно говорит Андрей Иванович.—Уже тысячелетия человечество молится богу и верит в него. Ему воздвигнуты миллионы храмов, и люди умирают в сладком сознании, что им уготована загробная жизнь. И вы хотите все это разрушить? Хотите обезьяной заменить бога? Вы посягаете на все святое, на семью, на мораль, на собственность!

— На магазины, на имения, на капиталы,—едко перебивает Уралов.—Что вы мне рассказываете про бога? Ведь вы надуваете его каждый день. Разве вы раздавали свое имущество, как он учил? Или пили из-за него на жертвы? Вы просто ходили по воскресеньям в церковь, как в баню. Приятно—почему же не пойти? Поп мыл вам душу молитвами, как мочалой. Вы давали ему гривенник или рубль, ставили свечку. Бога вы покупали по дешевке. Дорого вы бы ему не платили. В миллионе храмов обманывали пятьсот миллионов людей. Их учили не бороться с установленным безобразием, им говорили, что следует примириться со своей нищетой и с тем, что их угнетали, убивали, грабили. За это им обещали награду в царствии небесном. Выдавали фальшивые векселя, которые никогда не будут оплачены. Мы выдаем более верные векселя. Через двадцать лет у нас не будет ни церквей, ни попов. Подобные вам люди будут показываться в паноптикумах, как единичные, еще не вымершие экземпляры.

Лицо у Андрея Ивановича скашивается, борода щетинится, как рога.

— Таких убивать надо,—кричит он и подымает руки, точно хочет задушить Уралова.

— Зарезали бы меня?—насмешливо спрашивает Уралов.

— Зарезал бы,—без колебания отвечает Андрей Иванович.—Зарезал бы, если бы не боялся отвечать.

— Скоро вы все исчезнете,—говорит Уралов.—Нет у вас корней.

— А кем вы нас замените?—с торжеством возражает Андрей Иванович.—Мы, работники, знаем дело. Что вы будете делать без людей, ученых в царское время?

— Заменим,—спокойно отвечает Уралов.—Заменим и в учреждениях и на заводах. Ведь не все, к счастью, похоже на вас. Есть среди вашего поколения и прекрасные честные работники. Кроме того вопрос о кадрах у нас стоит так же остро,

как и вопрос о строительстве. Уже объявлены по два приема в год во втузы. Организуются рабочие университеты, где по вечерам, прямо от станков, наша молодежь занимается науками. Создаются заводы-школы. Мы строим и создаем новых людей. Никогда в мире не было такой тяги к знанию, как у нас теперь. Повальная эпидемия—все хотят учиться, даже старики. В техникумы принимаются рабочие в возрасте до сорока двух лет. И если будет тысяча новых заводов, то будет столько тысяч новых инженеров и техников. У нас выковываются такие работники, какие вам и не снились. Старый мир будет у нас учиться организации, планированию и темпам, если не развалится до того времени.

Андрей Иванович вскакивает. Лазоревые жилы плещут на его старой шее. Четки зубов тускло блестя.

— Надо бы сюда кого-нибудь другого, — почти плача говорит он. — Он задушил бы вас, а я не могу. Ненавижу, а не могу!

Он садится и продолжает:

— Вы — собачье поколение. Вы не люди. Если бы вас нельзя было всех убить, то надо было бы построить карантинные бараки, окруженные колючей проволокой и держать до тех пор, пока вы не станете покорными и тихими. Вас надо было бы ежедневно пороть и водить в церковь. Самых неисправимых — расстреливать. Иначе — нельзя. Вы не люди. Собачье поколение.

Уралов смотрит на него с любопытством.

— Вы — хорошая учеба для меня, — говорит он, — вы и весь ваш дом, весь переулок. Я до сих пор не думал, что у нас, в Москве, есть такие дёбри, где водятся зубры, вроде вас. С вами надо бороться до конца. Вы — дикари. Настоящие африканские дикари. С вами и говорить нельзя. Попробуйте убедить людоёда, что нельзя есть людей. И вас нельзя переубедить. Вы человекьи жмыхи.

Потом все исчезает. Покой и тишина охватывают Уралова, он чувствует свое ровное дыхание, чувствует, как движутся винтики во всем его теле, точно в большом часовом механизме. Он сознает, что засыпает, и нет ничего прекраснее и нужнее этого сна.

Сон ручейками бежит по всему его телу, он разливается по самым мелким артериям, по самым отдаленным закоулкам и орошает их, как вода из арыка орошает сухую землю. Комната принимает прежние размеры. Стена, шурша обоями, становится на свое место, кровать отставляет переднюю ножку и похожа на спящую лошадь, и мясистый воздух тает и начинает пахнуть озоном.

И вдруг начинается землетрясение. Массивный, в ширину подоконника четырехугольник света рухнул в комнату и, как стекло, рассыпался по полу.

Уралов в отчаянии открывает глаза и видит: в комнате сумерки. Синеватый свет идет из окна. Очевидно, раннее утро, хотя может быть и вечерние сумерки. Чугунные глыбы валяются в комнату и стены вздуваются оттого, что не могут вместить их. Уралову надо много времени, чтобы собрать мысли. Это звонит в церкви. Каждый удар колокола — как выстрел из орудия. Все гудят. Звон через уши, через глаза, через рот проникает в голову, и она пухнет, кожа отстает от черепа и вздувается пузырями. Уралов задыхается. Сейчас лопнет голова, лопнет сердце.

Комната грязна, неубрана, и вещи валяются на полу. Опрокинутый чайник уперся горлышком в страницу раскрытой книги, и страницы пожелтели и покоробились от пролившейся на них воды. Уралов пробует подняться. Трудно, весь он выжат, как выстиранное белье. Рубашка хрустит от засохшего пота. И смертельно хочется пить. Уралов сидит на кровати и достает часы. Часы стоят. Сколько же времени он пролежал без сознания? Он опускает погн на пол. Голова кружится, его тошнит.

Он вспоминает ощеренное лицо Андрея Ивановича, слышит его слова. Неужели все это было? Он пошатываясь идет к столу и находит большое яблоко. Ложится на кровать и ест его. После яблока нестерпимо хочется есть. Желудок сжимается, в рот набегают слюна. Где бы достать стакан чая, бутерброд с сыром или колбасой? Уралов лежит и думает об еде, о втузе, о Тоне. Когда она вернется? Может быть завтра? Он потерял счет времени.

Незаметно он опять засыпает. Вероятно, от слабости.

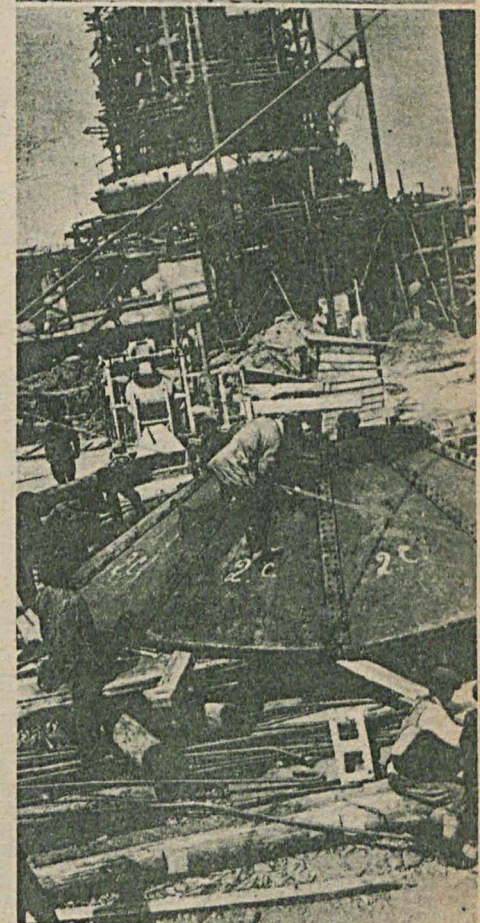
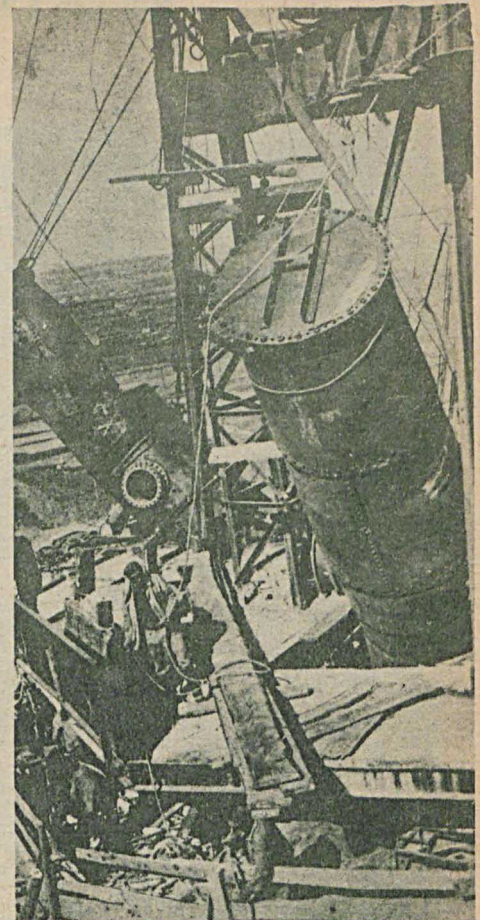
ИДЕТ БЫТ

Стих. Яр. Смелякова

Зазнавшийся примус победу трубит
(Он честно и правильно варит).
Но тут в мой несложный, в мой скромный быт

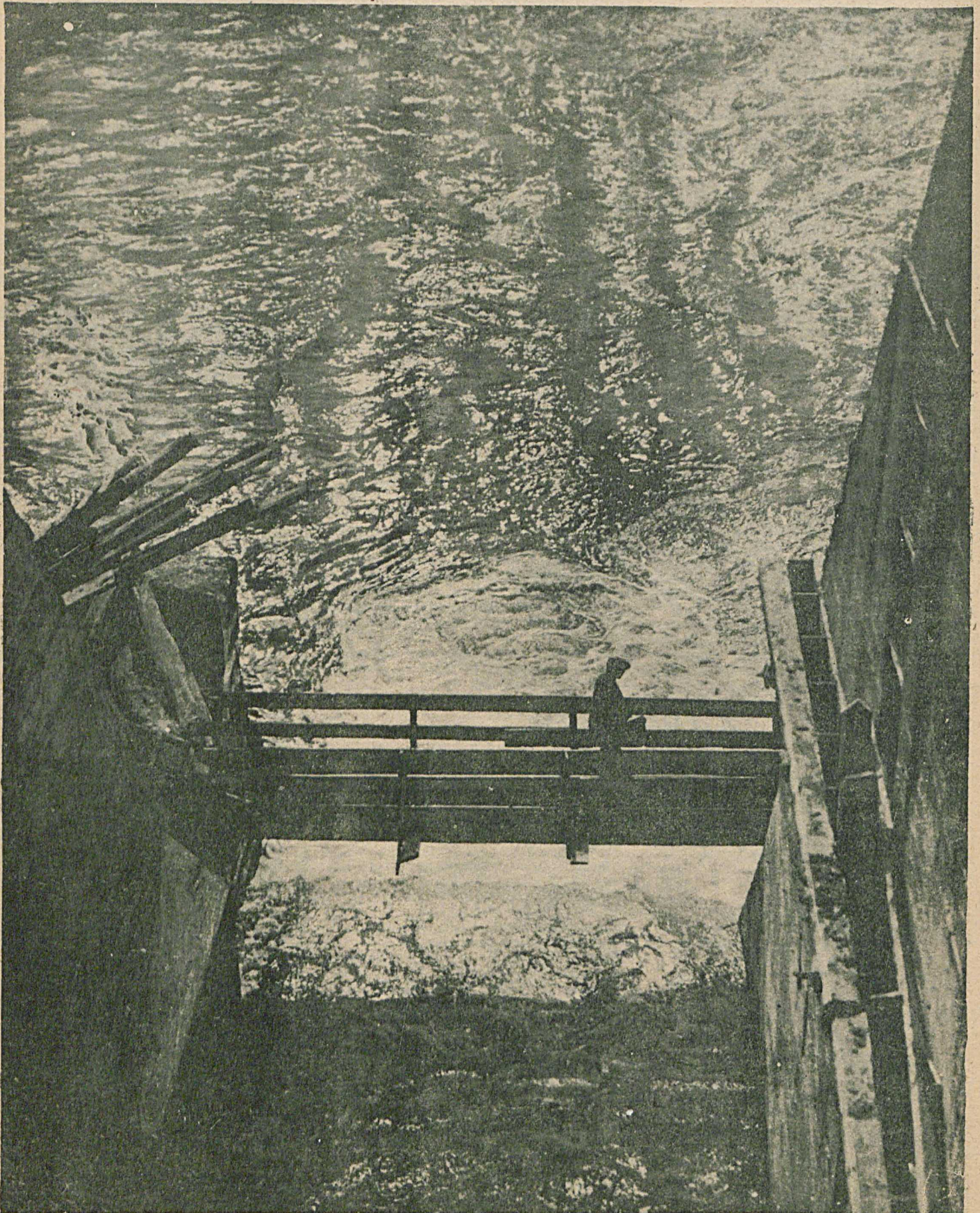
Как камень, ворвался товарищ.
— Ну, — говорит он, — я доложу,
Ты и живешь, — несчастный!
Это ж могила, это же жуть,
Это же быт частника.
А ты ведь ударник. Гремит завод.
Гудки — как фонтаны нефти.
Но быт тебя душит, но быт тебя бьет,
И ты одеваешься нехотя.
Да что о тебе? Подумаешь — ты!
Я быт изучил до керки.
И целые ночи терпели мосты
Шагов моих скороговорки.
Я темою этою мучусь во сне,
Я думаю только про это.
Шурша и свистя на пустыни стен,
Идут караваны портретов.
В окно загляну. И вижу: в окне
Наглейшие („накося — выкуси!“)
Стоят неразгаданные пикет
Зеленые сволочи фикусы.
Я в небо взгляну, и ему потакаю,
Простому, крутому, как реки.
Но вижу не небо, — кусок потолка
С горланящей канарейкой.
И в этих вещах человек потонул,
От этого — не уйти.

Никак, никогда. Хотя б потому,
Что нету, не видно пути.
Он стал одержимым. „Ответь мне, юнец!“
И — голос сломал, как сухарь.
Но я промолчал. Мне известен конец
Рожденного мною стиха.
А примус клокочет, волнуется. Пусть.
Выходим на чахлый двор,
Лежит перед нами конкретный путь,
И небо открыто, как семафор,
Мы ищем ответа, а ветер полощет
Пеленки исплачанных облаков.
И вот распласталась обычная площадь.
И этот ответ таков.
Он прет. Он гремит. Он сверкает в ушах.
Он звездами красными рдеет,
И, песню вздымал, чеканит шаг
Рота красноармейцев.
И нам наплевать, что на плечи льет,
Что горбятся даже домишки.
Мы видим спелатое белье
У красноармейцев подмышкой.
И им — все равно. Молоды и стройны,
Сверкают сплошными зубами.
Шагают и песню поют. Они
Просто попарились в бане.
И мне пустяки, что мешане спят,
Что спорщик растерян и бит,
Когда мостовой от макушки до пят
Идет — понимаешь? — быт.

Строительные работы Магнитостроя проходят форсированными темпами. Закончено строительство воздухоподводящей станции, забетонированы фундаменты на всех пролетах. Ударники Магнитостроя надеются обеспечить пуск завода в срок. С укладкой 100.000 кубометров железобетона доменный пех будет пущен в эксплуатацию. На снимках: вверху — монтаж газоотводных труб; внизу — сборка крыши скруббера, работы грейта Стальмост

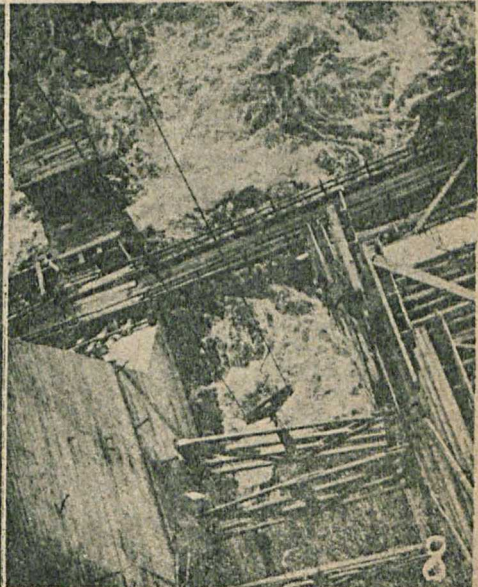
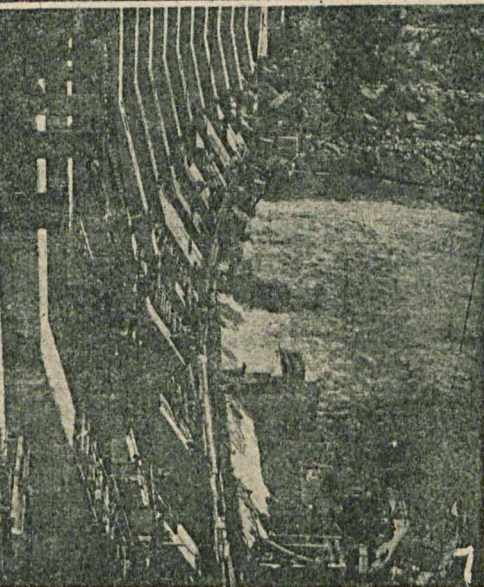
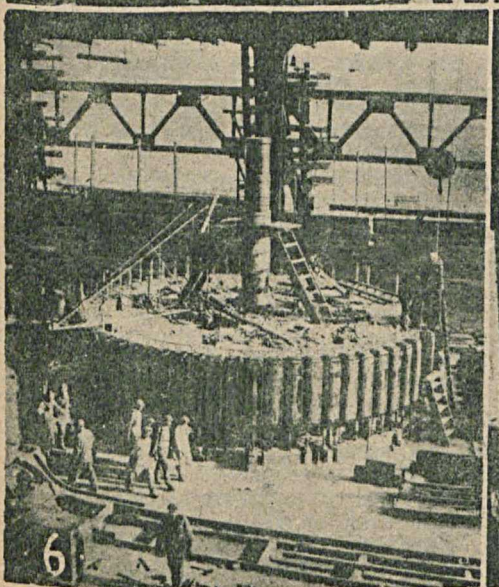
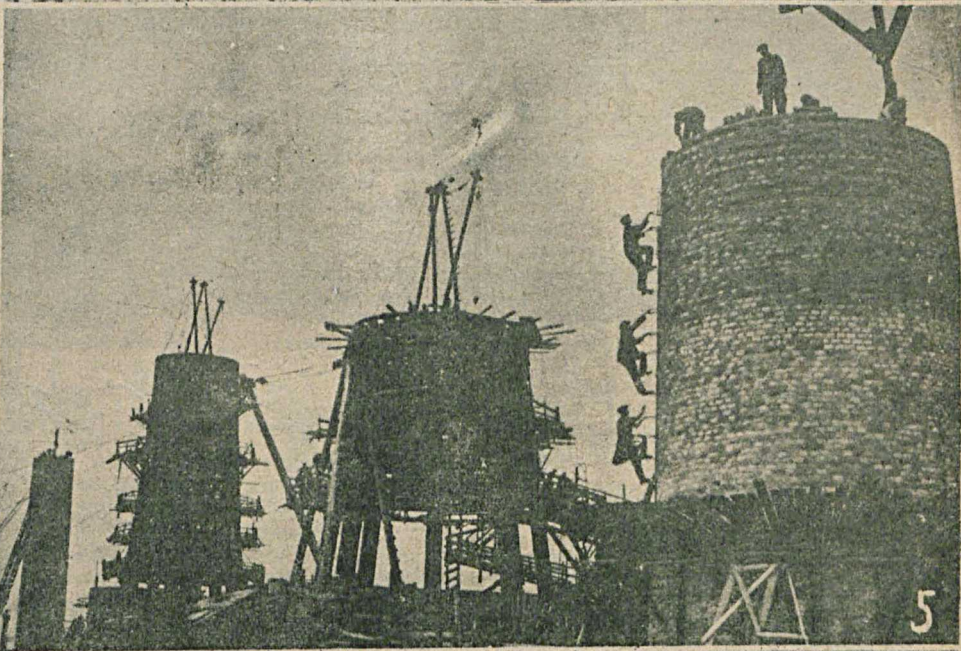
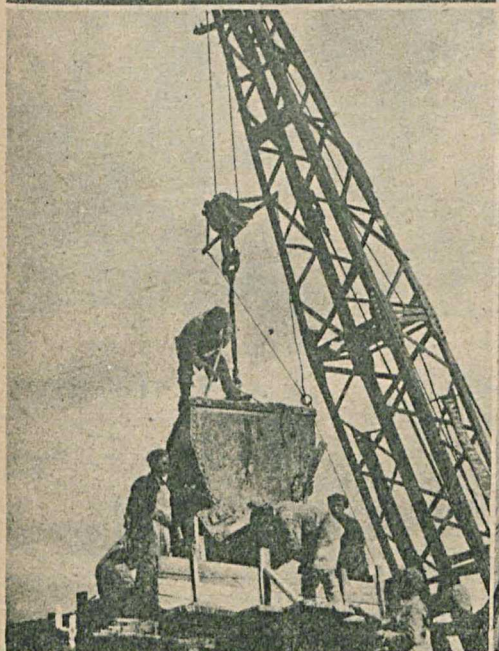
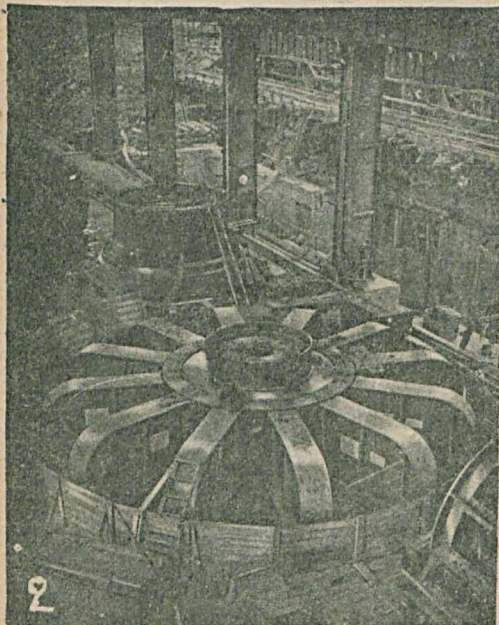
ДНЕПРОСТРОЙ—УДАР

Монтажная работа турбин Днепростроя дает высокие показатели. Сменно-встречный план и прогрессивно-премиальная сдельщина, введенная на строительстве обеспечивают лучшее и досрочное выполнение заданий. Рабочие-монтажники ИТР надеются закончить пуск пятой турбины к Октябрьским торжествам—на два месяца раньше срока. На снимках: 1. Вода поднимается. 2. Сборка турбины. 3. Бригада бетонщиков утрамбовывает комет. 4. Бригада бетонщица

ЛЕННЫМИ ТЕМПАМИ. В 1932 ГОДУ ДНЕПРОСТРОЙ БУДЕТ ЗАКОНЧЕН

НИК ИНДУСТРИИ

Третьякова, давшая мировой рекорд по кладке. 5. Строительство Днепровского комбината (устройство Дамы). 6. Сборка ротора. 7. Плотина, освобожденная от лесов. 8. Вид на плотину

Фот. А. Шайгета

Тов. Максим Горький с активом земляческих групп на заседании в Центральном музее РККА

ИСТОРИЮ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НАПИШЕМ

10 сентября в Центральном музее РККА состоялась встреча Алексея Максимовича Горького с активом земляческих групп — участников гражданской войны, работающих при музее.

Присутствующие на встрече товарищи в дни героической борьбы рабочего класса за диктатуру пролетариата являлись активными участниками этой борьбы, а многие из них за свою боевую работу были награждены орденами Красного знамени.

Среди собравшихся особенно выделяется группа женщин — краснознаменок. Их пять, и у всех у них на груди по боевому ордену Красного знамени. Собрались они для того, чтобы совместно с т. Горьким обсудить вопрос, как включиться участникам гражданской войны в общую работу по реализации решения Центрального комитета ВКП(б) об издании «Истории гражданской войны».

После краткого сообщения начальника музея о намеченных мероприятиях слово предоставляется краснознаменцу т. Гавро. Под бурные аплодисменты от имени бюро всех землячеств он приветствует А. М. Горького, как одного из старых бойцов, но инициативе которого и при активном участии которого будет создана «История гражданской войны». Тов. Горький избирается почетным председателем объединенного бюро земляческих групп — участников гражданской войны.

В ответном выступлении т. Горький останавливается на причинах, побуждавших к изданию труда по истории гражданской войны. «Первая — парод трудовой, рабо-

чий класс, который взял в свои руки власть строить свое государство, он должен ее сам написать, он ее и напишет. Он должен ее написать потому, что молодежь, которая не участвовала в гражданской войне, но которой несомненно придется участвовать в тех великих боях, которые ждут нас, она должна знать, как воевали ее отцы и старшие братья, — это второе. Третья причина та, что история поставила нас во главе рабочего движения во всем мире — это факт. Мы уже вожди, мы передовой отряд рабочих всей земли. По этой причине мы должны рассказать всем о нашем боевом опыте». Далее в своем выступлении т. Горький особенно подчеркнул, как нужно подходить к написанию отдельных работ и что в этих работах в первую очередь выставлять на первый план.

«Должна быть показана роль руководящей силы рабочего класса, роль партии в этой войне. Индивидуальное начало в данном случае должно быть принесено в жертву той массе энергии, которая в конечном счете победила и может победить.

«Тут не было отдельных героев, все были герои и был один герой — рабочий класс. По этой причине, когда люди будут писать эти воспоминания, они должны, отнюдь не забывая о роли личности в этом деле, в этих подвигах различных людей, и рядовых и вождей, тем не менее, все-таки не забывать, что дело не в этом, а в той массе концентрированной энергии, той революционной энергии, против которой не устояли огромные, значительные, прекрас-

но организованные силы, которые были побеждены и будут побеждены... Писать не столько о том, как действовала та или иная единица, а как действовал тот или иной отряд. Единица не вычеркивается; наоборот, участие вот такой физической единицы во всех случаях, когда, насыщенная энергией всего коллектива, она совершила что-то нечеловеческое, какой-то подвиг, который носит почти размеры сказочного подвига, — это учитывается, потому что это иллюстрирует ту огромную силу, которая в этой гражданской войне воспиталась и которая теперь в этой тяжелой ежедневной будничной войне одерживает огромные победы».

По окончании речи т. Горького выступают непосредственные участники гражданской войны, которые вносят целый ряд ценных предложений практического значения.

Заседание окончилось принятием резолюции, в которой участники заседания заявляют, что «все землячества отныне переключают всю свою работу на подбор материалов и коллективную проработку таковых для истории гражданской войны. Исходя из того, что победивший рабочий класс сам должен писать свою историю, которая нужна не только нашему поколению, но и зарубежным товарищам, мы обязуемся приложить все усилия к тому, чтобы история гражданской войны была издана к 15-й годовщине Октябрьской революции».

С. Полунин

На литдекадниках „Огонька“

Актив литударников журнала „Огонек“ признал весьма желательным как одну из форм работы—встречи с квалифицированными писателями, прозаиками и поэтами.

Центральное место последнего литдекадника „Огонька“ заняла читка и обсуждение отрывков из новой поэмы Джека Алтауэна. Над этой поэмой поэт много и серьезно работает. Поэма сюжетная, построена на материале, почерпнутом на заводе „Красный пролетарий“, с которым тов. Алтаузен тесно связан. В работе над конкретным материалом автор старался брать факты, характерные для сотен других предприятий, типичных героев.

На просьбу рассказать о своем творческом пути Д. Алтаузен подчеркнул, что его путь—путь комсомола. Свою поэму „Безусый энтузиаст“ поэт рассматривает как начало, которое его теперь не удовлетворяет. Вслед за этим идет газетная работа в „Комсомольской правде“, которая при высокой партийной, пролетарской идейности имела, по его мнению, ряд недостатков, обусловленных спешкой и недостатком культуры. Все предыдущее он рассматривает как ученичество, как подготовку к большой самостоятельной работе. Поэт надеется, что со временем поэт, два отрывка из которой тов. Алтаузен прочел.

Большинство выступавших дало поэме положительную оценку. Несомненным достоинством отрывка, напечатанного в „Огоньке“, является то, что в нем впервые очень серьезно и художественно дан показ героя. Правда, там есть и недостатки. Чрезмерно много места занимает внешнее описание героя, любование его вешушками. В отрывке много техницизмов. И эти технические термины трудно произносимы („резец резбовой резцедержке послушен“).

Тов. Артемьев говорит об отсутствии социальных корней у героя поэмы. Конкретных деталей, характеризующих работу Кукушкина, нет. Опанин (завод Маленкова) возражает Артемьеву. Он считает, что Алтаузен в поэме сумел глубоко подойти к каждому явлению. Недостатком поэмы он считает внешний показ героев. Благодаря этому герой не ощущается как живой человек. Васильев (Стеклозавод) дает положительную оценку. Он отмечает излишнее увлечение техническими терминами и считает, что отрывки недостаточно конкретны. Тов. Бронштейн считает, что в поэме показано отношение человека к работе (более того: даже отношение вещей (деталей) к человеку, и поэтому смешно требовать кон-

кретных показателей перевыполнения плана. Ясно, что если человек так относится к работе, то промфинлан он выполняет. Т. Менчук, Поздняков, Богусевский и Новицкий сходятся в более отрицательной оценке. Они считают, что поэма только отражает действительности, что героя нет, что мало действительности, что плохо показан цех, что не надо „описывать стружки“.

Тов. Поспелов противопоставляет поэме Алтауэна поэму Жарова „Евстигней Рощин“. Он считает, что если Алтаузен пошел по правильному пути подтягивания читателя до уровня поэмы, то Жаров, наоборот, пошел в своей поэме по снижению художественности.

Все выступавшие единодушно говорили, что новая поэма тов. Алтауэна свидетельствует о его большом творческом росте.

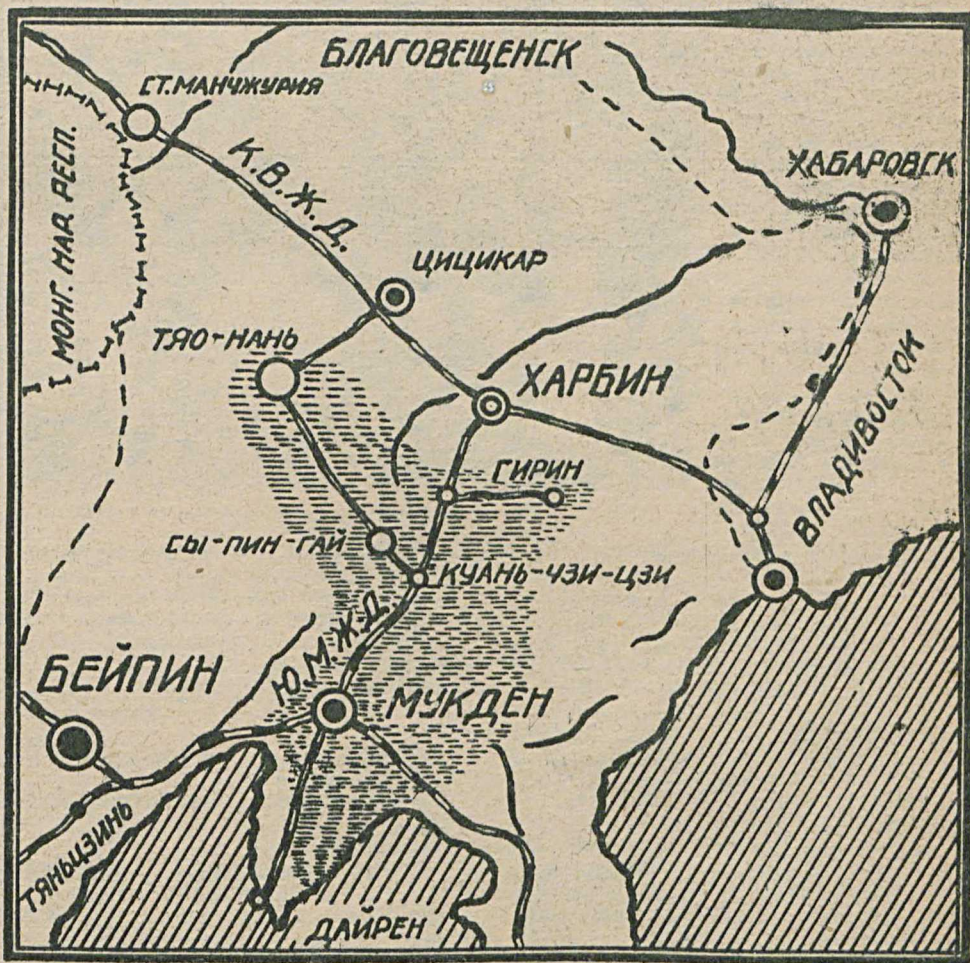
В заключительном слове тов. Алтаузен подробно ответил на вопросы выступавших, обещав воспользоваться рядом ценных указаний, но и отметив одновременно, что ряд замечаний основан на недоразумении: некоторые выступавшие подошли к напечатанным и прочитанным отрывкам как к законченному произведению. Поэт обещал на одном из ближайших декадников зачитать целиком первую часть поэмы.

ВЗГЛЯНУВ НА КАРТУ...

...можно увидеть размер японской военной оккупации—Южной Манчжурии. В ночь с 18 на 19 сентября японцы неожиданно повели наступление на богатейший край Китая, вообще бедного природными богатствами,—Манчжурию. После упорного боя японские войска заняли Мукден, столицу Манчжурии. От порта Дайрена, вдоль Южно-Манчжурской дороги, по направлению к Мукдену, и дальше на север, в направлении Западной Китайской ж. д., а также и по линии Мукден Бейпинской ж. д., т. е. в юго-западном направлении, продвигались японские войска необычайно быстро, и таким образом овладели без особого сопротивления со стороны китайских войск главнейшими пунктами Мукденской и Гириньской провинций. По циркулирующим в Китае упорным слухам, Япония предполагает продолжить оккупацию. Считают, что Япония предпримет решительные шаги в Центральном Китае для того, чтобы принудить нанкинское правительство разрешить старые японо-китайские споры в желательном для японского империализма духе и признать независимость Манчжурии.

Внешним поводом для военной оккупации Южной Манчжурии Япония выставляет антияпонские акты, имевшие место со стороны китайцев, как убийство японского капитана Накамура и взрыв моста Южно-Манчжурской ж. д., находящейся в руках японцев. Однако причины лежат гораздо глубже. Здесь налицо явная попытка японского империализма превратить Манчжурию, а за ней и весь Китай, в сырьевую базу для японской промышленности. Тогда как в собственном Китае японский финансовый капитал встречает сильнейшее сопротивление со стороны американского, английского и французского империализма,—Манчжурия со времени борьбы с царской Россией стала полуколонией японского империализма и плацдармом для завоевания новых позиций в Китае.

Захват Трех восточных провинций Китая японским империализмом проводится не только с согласия части империалистических держав и с одобрения Лиги наций, но и части китайских милитаристов, издавна состоящих на службе у японского

Территория оккупированная Японией

империализма, наконец, при содействии гоминдана. Трудящиеся всего мира лишены раз видят, что Лига наций является в наиболее обнаженном виде организатором и орудием войны. Пролетариат

всего мира—единственный союзник китайского народа в его борьбе против империалистов, социал-фашистов и гоминдана, самого ярого врага китайских трудящихся масс.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

1

1918 год грозвыми тучами интервенции навис над новорожденной республикой Советов.

С запада, востока, севера и юга, борозди грудь Ледовитого океана, шли французы, англичане — паразитами садились на тело страны.

Огненный круг предательски сжимался. Но вот из сел, деревень, городов, из беспрядельных просторов Советской России поднялись десятки, сотни тысяч партизан, двинулись к снежным белизнам севера, где 18 долгих, суровых месяцев длилось владычество русской белогвардейщины и заокеанских интервентов.

Шаг за шагом, ступень за ступенью к новым дням, уже маячившим на горизонте, продвигались партизаны — будущая Красная армия — будущий страж социалистической стройки.

Каждый бой, каждое наступление имело своих героев.

Не мало их пало на полях битв, не мало засыпано в курганах востока и в снежных просторах севера не мало поконится под молотитным гранитом братских могил, но многие из них здесь, среди нас, на производствах и предприятиях, на каждом шагу.

Красноармейцы винтовки стали красноармейцами станка, на воротниках некоторых алеют ромбы крапчатых командиров и поблескивают ордена „добрести, чести, славы и геройства“.

Я расскажу вам, читатель, об одном из тех людей, которых наш Максимыч называет замечательными, о старом партизане — герое севера *Георгии Ивановиче Поскакухине*.

2

С фронта империалистической войны Георгий Иванович Поскакухин вернулся в Виев и отдался делу организации Красной армии, а через два месяца поезд, покая буферами на стыках и призывно гудя, привез Георгия Ивановича в Москву, на съезд военных комиссаров. С трибуны прозвучали суровые и чеканные слова резолюции:

— Коммуна требует самых стойких, самых способных и испытанных товарищей на север, на фронт, на борьбу с наступающей контрреволюцией и интервенцией...
Дезертиров нет...

И среди фронтовиков — Георгий Иванович Поскакухин, назначенный съездом комиссаром Первой архангельской пехотной советской дивизии.

3

За окном вагона — темь. В черной мазут ночи убегают телеграфные столбы, красными и зелеными светлячками пронесится сигнальные фонари.
Направление поезда — Архангельск.

Вагон, в котором едет Поскакухин, полон. Со всех полок, отовсюду глядят лица пассажиров, и среди них мелькают холеные лица белогвардейских офицеров.

Ярославль выбит из их рук, и сейчас они тянут свои лапы к новой базе, к Архангельску. Плынут по вагону разговоры.

Офицеры улыбаются, сыплют своими подмоченными остротами и двусмысленно рассуждают о советской власти.

Заводила — гвардейский кавалерийский полковник.

Он щурит свои и без того узкие щелочки глаз и цедит сквозь желтые, гнилые зубы:

— Хи-хи-хи, не надолго. — Плывет по лицу улыбка, лицемерная и злая, и за ним тают в смешку остальные офицеры.

главе штаба — сосед по вагону, полковник.

Коридоры.

Двери.

Комнаты узкие и длинные — это штаб дивизии...

Поскакухин открыл одну из дверей, и его сразу бросило в жар: в комнате сидел не кто иной, как полковник, а вокруг него сидели, а некоторые беспокойно меряли комнату шагами, офицеры.

Поскакухин тяжело хлопнул дверью, и снаружи, играя расцветочным стекляннным глиняем, бросилась в глаза табличка:

Командир
кав. полка
1-й архангельской
советской
дивизии.

Положение ясно: полковник — командир, а приехавшая с ним свора офицеров привезена им на командные должности...
Предстоит борьба...

5

Поскакухин занял пост комиссара дивизии.

К концу дня стук в дверь. На пороге полковник.

А через несколько минут, после непродолжительного разговора, полковник стрелой вылетел из комнаты.

Поскакухин отказал в поездке в Петроград за новой партией офицеров.

Но на следующее утро полковник, обидя своего комиссара, получил от губернского разрешение на поездку и 2 миллиона рублей.

6

Следующий день принес тяжелые вести. Посланный к острову Мудьюгу для отражения десанта интервентов прежний комиссар дивизии Куликов — убит.

События разворачиваются молниеносно.

Поскакухинезде.

Он добивается права действовать со всей решительностью, сейчас же посылает одного из товарищей — комиссара кавалерийского полка — в Петроград арестовать полковника и передать его ЧК.

И в тот же день Поскакухин с полком в 500 человек малонадежных солдат едет на остров Мудьюг.

Но... уже поздно... В Архангельск вошла союзная эскадра интервентов.

После полудня раскатились по городу аресты. Это интервенты показывают свое „невмешательство“ во внутренние дела России“.

7

Поскакухин на Мудьюге.

Пристань.

Серым массивом — траллер.

Глаза привычно скользнули по броне и вдруг замерли: на носу обычный красный флаг отсутствовал.

Поскакухин с партизанами на рыбной ловле

— Не надолго — повторяют они своим видом.

А внизу, на нижней полке старый бородатый мужичонко переглянулся с соседом и, бросив взгляд на смеющихся офицеров, негромко сказал:

— Сволочи, еще живы.

4

Архангельск...

Хмурое сырое утро.

В сером, молочном тумане город кажется стариком, у которого и ноги уже болят и глаза пошаливают...

Московский поезд, шипя и отфыркиваясь, вошел в насторожившийся перрон...

И вместе с другими пассажирами выскочил из вагона Поскакухин.

— Нужно выяснить, кто этот полковник, — толкнулась в голову мысль. Но в толпе, покрывшей перрон, утонула компания офицеров.

С вокзала — в командование дивизии.

А по дороге слухи лезли в уши — это прохожие сообщали друг другу последние вести городской жизни.

Из этих разговоров Поскакухин узнал, что в Петрограде имеется штаб для формирования белогвардейских отрядов, и во

Сигвалы Поскакухина оказались безрезультатными: шлюпку с граллера не подали.

Момент раздумья.

Врослась в глаза тяжелая, нескладная рыбачья лодка.

Прыгнул, сжал кистями рук весла. Полный ход.

Тогда пулеметным цоканьем раздался ответ с граллера.

Путь закрыт.

Повернул тяжелыми веслами и поплыл обратно к берегу.

Вернувшись в полк, ничего не сказал и стал энергично готовиться к защите.

8

Жаркие осенние лучи солнца осветили серый гранит пристани.

За камнями, за баррикадами веток сидели бойцы отряда Поскакухина.

Черная точка показавшегося на горизонте судна расплылась чернильным пятном на голубой промокашке неба.

Через несколько минут судно приблизилось, и на носу красной птицей затрепетало знамя.

Тяжелым грузом упали якоря.

Красное знамя—это военная хитрость англичан.

И Поскакухин понял это...

Огонь...

Навзничь падают один за другим английские офицеры и солдаты. Тащат раненых на борт.

А через несколько минут снова тишь жаркого дня и гладь волн.

Судно ушло.

9

На следующее утро на горизонте новое судно.

Красный, белый, синий цвет—флаг французов. Глаза впились в зрительную трубу.

Белая надпись разглагольствовала лучами... „Didona“.

Французский крейсер.

Борьба с этой пловучей крепостью беспощадна, не под силу маленькому отряду Поскакухина.

И он из-под громадных жерл крейсера стал отступать к железной дороге.

Железная дорога встретила ураганным огнем. Она в руках англичан и французов.

Отстреливаясь бесполезно...

Отряд разбит, а раненного пленного Поскакухина отвезли в архангельскую тюрьму и бросили в камеру без медицинской помощи.

10

В камере двадцать человек, двадцать ответственных советских работников.

Ведут новых арестованных. В камерах духота, вонь, грязь.

Раненного Поскакухина заботливо перевязали товарищи, и все вместе с нетерпением стали ждать обвинений...

Бегут дни, серые и похожие друг на друга, как близнецы.

Там, за высокими стенами тюрьмы, за решетками—массивными и плетеными—жизнь хоть плохая, зажатая тисками белогвардейщины, но жизнь.

А здесь тишина.

Но раз загудели камеры, заволновались гуды голосов, в камере шопот и разговоры.

— Довольно сидеть в этих стенах по 40 человек в камере, довольно не знать, за что сидишь, мы требуем обвинения, мы требуем разгрузки тюрьмы.

И из камеры в камеру стуком в стенку полилось гулом прибой слово:

— Голодовка.

Утро...

В камерах напряжение, слышно, как в коридорах открывают двери, вызывают фамилии, уводят...

Триста человек, среди них Поскакухин. Конвой окружает ряды.

— Шагом марш.

Пристань.

Триста человек один за другим идут в баржу.

— 15, 25, 100, 300—монотонно считает офицер.

Отправляют... Но куда?

Статная фигура Поскакухина привлекла внимание французских и английских офицеров и, засыпав его градом вопросов, они вывели его из рядов и поставили в шеренги принятых на службу к белогвардейцам.

Сотни пар глаз присутствовавших товарищей впились в Поскакухина, они знали его, как пламенного, непреклонного революционера.

В первый момент Поскакухин растерялся.

В голове вертелись беспомощные отрывки мыслей и яростно били в виски.

Наконец, сообразив весь ужас своего положения, он с честью вышел из него.

— Очевидно произошло досадное недоразумение: я—бывший комиссар архангельской пехотной дивизии, и как ответственный советский работник не могу быть в ваших рядах.

— Нас не интересует то, чем вы были при большевиках, мы видим в вас достойнейшего сына родины и требуем от вас только обещания не идти против нашей армии.

— Такого слова дать вам не могу—неустранимо ответил Поскакухин.

Взвился сверху приклад и крепким ударом сбил с ног.

Инцидент с Поскакухиным пробил брешь в рядах новобранцев, и они один за другим стали отказываться от „чести“ служить белогвардейским бандам.

13

Северное правительств, трепавшее по всем швам, разъярила выходка Поскакухина.

После бурного заседания был вынесен смертный приговор измененный бесерочной каторгой.

Снова баржа, гладь волн, Архангельск и снова до невозможности набитые людьми

камеры, где больные тифом лежат вперемежку с трупами.

Партизаны с командой парохода на общем собрании

Скоро узнают. На остров Иуд строить каторжную тюрьму.

11

В бараках холодно, сыро, грязно.

Белым налетом на стенах цвель.

Еда плохая, из грязных, засаленных посуды, каждый сует свою ложку и, обжигаясь, с отвращением ест...

На 12-й день в бараке крик, один из пленных упал на кровать, забился, захих с перекошенным от боли лицом.

Унесли...

На следующий день объявили:

— Цынга.

Пошла эпидемия цынги и тифа...

12

Началась мобилизация пленных в ряды белогвардейцев.

В лагерь явились представители Антанты и, выстроив всех красногвардейцев и матросов, долго говорили о священном долге каждого бороться против немцев, за единую, неделимую Русь. Но в это время мир с немцами был уже заключен и эти „спасители Руси“ боялись скорее большевиков, чем немцев.

По рядам пленных пошел шопот:

— Рядовые работники, соглашайтесь и идите в ряды белогвардейцев для разложения армии, а ответственные непреклонно отклоняйте все предложения.

Крепкая натура Георгия Ивановича надламывается, и он заболевает тифом.

Идут тяжелые дни болезни; каждый день хуже и хуже, но вот наступает перелом к выздоровлению.

А в первой половине августа 1919 г. он был отправлен в каторжную тюрьму на остров Мудьюг.

К пятистам пятидесяти каторжан прибавился пятьсот пятьдесят первый.

14

Мшистыми простынями растягиваются болота, почетным караулом стоят леса, и лишь изредка изумрудной зеленью мелькает луг. Селений нет.

Через полгода Мудьюг—этот малоизвестный до сих пор остров—прогремел своей жуткой славой по всему северному краю.

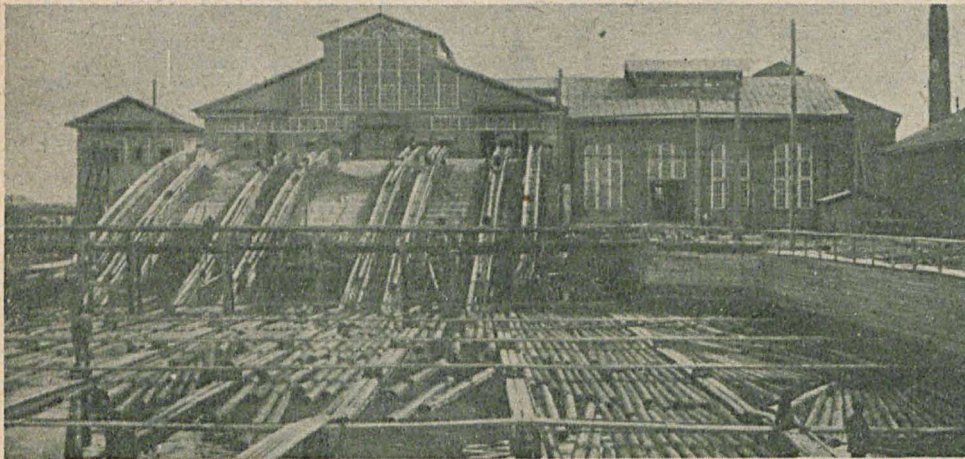
Мудьюг—это смерть. Кто попал на него—живой труп...

15

Командант острова—француз. На фуражке значок морского лейтенанта.

Командант мал, вертляв, суетлив, тревожными зверьками бегают глазки, в которых неугасающими огнями вечно горят не доверие и злоба.

Помощник—точная его копия.
 Те же манеры—те же щелочки глаз.
 Третий француз—военный враг.
 Большой револьвер, стэк—его медицинские принадлежности.
 Русский белогвардеец Абрисимов—последний представитель администрации...
 Новые пленные подходят к бараку.
 Начинается процедура обыска. Люди, изнемогая, падают с ног, за их спинами тяжелой поклажей взвалены тюки одеял, чугунным перезвоном гремят котелки, и окруженные конвоем люди плетутся в „гостеприимно раскрытые ворота“.
 Вводят в бараки...
 20 метров в длину...
 Около двенадцати в ширину...
 Длинными, обнаженными ребрами на стенках нары.
 Новые каторжане повалились на шершавые доски.
 С раннего утра во рту ни крошки.
 Первое требование—пищи и воды.

Лесопильный завод, построенный старыми партизанами во главе с тов. Стрелковым

Наконец выдают по два сухих галета и вкатывают грязную бочку из-под рыбы—в ней сырая болотная вода.
 Серая ночь липнет к окну...
 Усталость берет свое.

16

Утро.
 Загромыхали дверные засовы...
 В раскрытые двери скользнули сержант, переводчик, часовой.
 В руках у переводчика белый квадратик бумаги.
 — Вот раскладка продуктов, которые вы будете получать.
 И заключенный, у которого в руках раскладка, медленно читает.
 Администрация сажает на голодный паек—на полфунта сухарей, на полтора-два десятка рисовых зерен, на медленную голодную смерть.
 В камере снова сержант и переводчик:
 — Вот правила, которым вы должны подчиняться.
 Листок у Поскакухина.
 Часто, барабанным боем стучится сердце.
 В голове загнанной мышью копошится мысль:
 — Долго это продолжаться не может. Нужно организовать побег.
 И точно в ответ из белого ляска прогремели слова, которые били молотом по накопальне сознанию.
 — За побег или попытку к побегу...
 Затем змеей протягивалась черта и выделялись жирным шрифтом два слова:
 — Смертная казнь...

17

Поскакухин не мог уснуть.
 Тяжело пошатываясь, тихо переступая на цыпочках, продвигался кто-то к нарам Поскакухина.

В гладком свете луны показало лицо, волосы неугомонным клоком свисли на глаза.

Это—Петр Петрович Стрелков, бывший матрос, товарищ по плену.
 Присел на нары и, тяжело дыша, зашептал часто и растерянно:
 — Георгий Иванович, нужно организовать побег...
 И тут же на нарах, тихо перешептываясь, составили план побега. Петр Петрович Стрелков и Георгий Иванович Поскакухин.

18

Побег должен быть организован ночью, и сейчас работа, которая была предоставлена пленным, как-то не клеилась.

* * *

Все готово.
 Каторжане поскакухинского отделения одеты и ждут условного знака, чтобы броситься на часовых.

Разворачиваются цепью ряды врагов движутся на разбитых каторжан.

Наступают последние решительные моменты сражения.
 Поскакухин делает попытку собрать товарищей, по уже поздно, кругом тяжелым грузом падают тела убитых, паника все больше и больше охватывает каторжан.
 Стрелкову и Коновалову с группой товарищей удается вырваться на свободу к морю.

Поскакухин остался один.
 В руках винтовка без единого патрона.
 Вдруг бросился в глаза валяющийся на песке патрон.
 Неожиданная ценная находка.
 Схватил, сунул в винтовку.
 — Все равно умирать—решил он,—только дай, убью эту гадину.
 И с криком ринулся на пачальника тюрьмы. За сто шагов лег, хорошенько прицелился... Рванулся выстрел...
 Начальник свалился, как скошенный, на ехую, песчаную землю, а его отряд рассыпался в панике...

Товарищи сбежались на зов Поскакухина, подрыли изгородь, и он вырвался на волю... У склада оружия выстроились отряды конницы. Атаковать склад печего и думать. Затрещали оружейные выстрелы. Отступить нельзя. Значит вперед. Позади—дула, впереди—море. Спереди и сзади—смерть.

Некоторые малодушные бросались в пролив и топили в набегающих волнах.
 И вдруг спасителями жизни героев радостно бросились в глаза лодки, скрывающиеся за поворотом берега.

Герои побега расселись по лодкам, сели за тяжелые весла, хватался за них, как за свою судьбу.

— Ура, товарищи!
 — Мы спасены,—громко крикнул Поскакухин, и крик его, громкий и победный, несколько раз загромыхал в ущельях и затих вдали...

* * *

Много преград выставила жизнь на пути сбежавших коммунаров.

Пройди их, словив сопротивление врагов, они прошли вперед, к Архангельску, ставшему уже красным, советским, революционным.

Памятник красным бойцам, построенный в 1927 г. на острове Мудьюг

20

Сейчас Георгий Иванович Поскакухин в Москве. Он и сейчас герой обычных наших буден.

За его спиной годы борьбы и страдания, а впереди годы ударной работы.

Историю борьбы Поскакухина и ему подобных замечательных людей должен знать каждый из нас...

Решено было организовать восстание днем, обезоружить или перебить стражу и, овладев складом оружия, вырваться на волю.

И на этот раз возглавить восстание было поручено Поскакухину.

Наконец 15-е сентября 1919 г. Коротким, частым шагом подошел Поскакухин к часовому и негромко сказал:

— Дай прикурить.
 Кинул глазом по рукам, зажавшим винтовку, и вдруг в один момент вырвал из рук часового тяжелый ствол ружья.

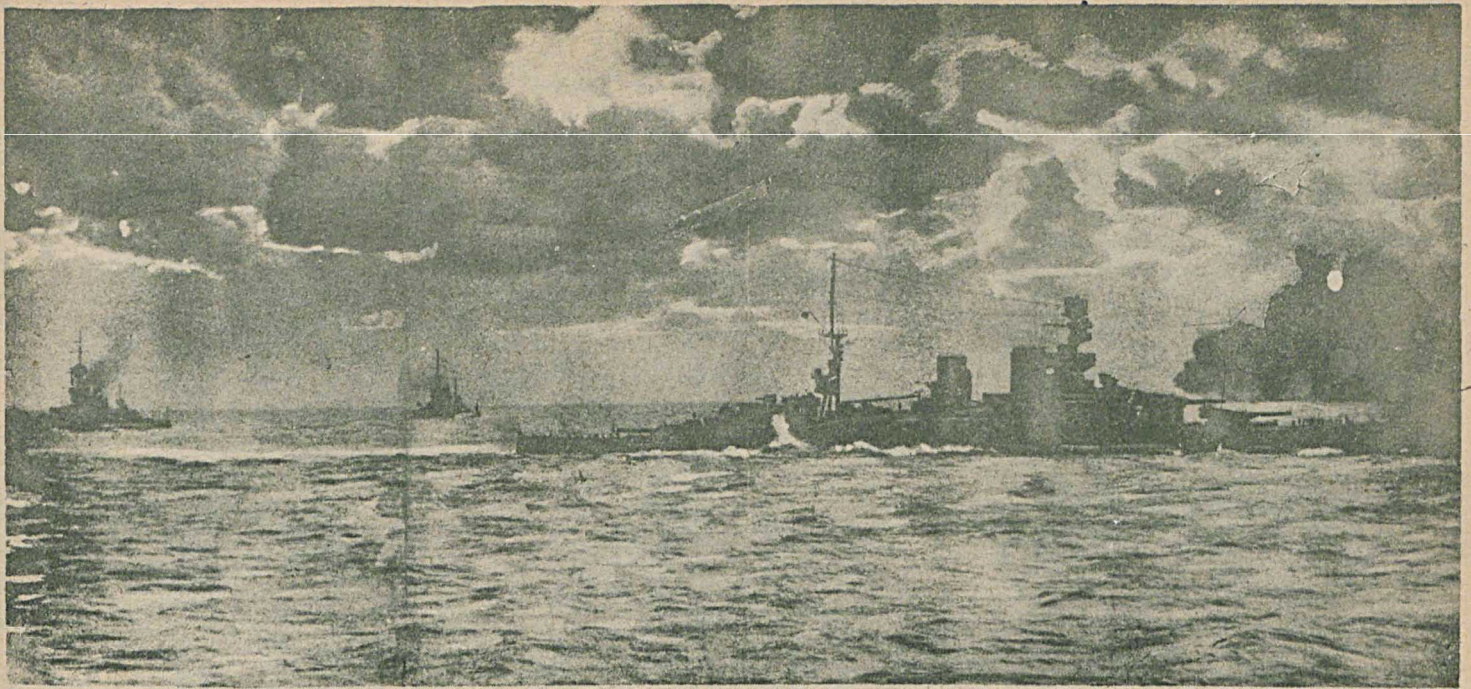
— Ни с места—крикнул он,—мы теперь хозяева положения, но вам ничего дурного не сделаем.

Из дверей мастерских выскочил разъяренный Коновалов и ударом молота сбил с ног фельдфебеля тюремной роты.

Стрелков во главе своей группы ринулся обезоруживать других часовых.

Люди сцепились в рукопашную...
 Через несколько минут группы Стрелкова и Коновалова разбиты...

Нет патронов.
 Ототупление...

БУНТ АНГЛИЙСКОГО ФЛОТА

Очерк Н. Ермакова

Происходившие в последнее время волнения в английском военном флоте имеют большое значение для английского империализма, хотя английское коалиционное правительство всячески старалось и старается умалить значение этого революционного события. Империалисты Великобритании не даром напуганы революционной внешней войной. Для поддержания своего могущества они поневоле вынуждены опираться на аппарат насилия, воплощаемый во флот, армию и военную авиацию. Британский флот был всегда почкорным орудием в руках буржуазии, он всегда являлся „немой слугой“ империализма.

Ныне „немой слуга“ заговорил, и заговорил языком, неприятным для английского правительства, для правящего класса. Десятки тысяч матросов выступили с протестом против снижения заработной платы и обратились к общественности, причем их выступление носит исключительно организованный и дисциплинированный характер. Оно ничем не отличается от тех стачек и забастовок, с помощью которых городские пролетарии капиталистических стран стараются улучшить свое положение.

В центре волнений стоит бунт Атлантического флота, который к моменту выступления был сосредоточен у северного берега Шотландии, где должны были начаться военные маневры. Крупнейшие единицы английского флота были охвачены волнениями, всего около 40 военных кораблей. В том числе такие гиганты морей, как „Нельсон“, „Родней“ и „Худ“, затем ряд крейсеров, флотилии подводных лодок, торпедных истребителей и др.

Основным мотивом к выступлению матросов военных судов явилось объявление о снижении заработной платы. Снижение это коснулось особенно сильно низших категорий матросов и достигло в отдельных случаях 25-процентного сокращения. Суда, вышедшие в море, оказались небоеспособными, потому что матросы отказались от выполнения военных приказов, а машинисты и коцегары отказались разводить пар. Митинги происходили не только на борту судов, но и на суше, и сопровождались демонстрациями, к которым привлекали портовые служащие и грузчики. В Инвергордоне конная полиция рассеяла митинг, происходивший на набережной, и

офицеры издали приказ не спускать матросов на берег. Митинги происходили все время на кораблях, откуда на берег доносились революционные песни и шумные приветствия выступавшим ораторам.

В результате пришлось отменить маневры, и суда получили приказ возвратиться в обычные места стоянки.

Движение английских моряков не ограничилось одним Атлантическим флотом, находившимся в Инвергордоне. На других судах началась кампания солидарности, и в Розите движением были охвачены 5.000 моряков, в том числе экипаж крейсера „Айрон Дюк“. Из Плимута, с юга Англии, были также получены сообщения о росте движения протеста среди матросов. Брожение началось и на британских судах, находящихся в водах Китая.

Когда уже стало невозможно скрывать от общественного мнения начавшееся волнение, английское морское министерство опубликовало сообщение о том, что объявление о снижении жалования морякам привело к волнениям среди известной части низко оплачиваемых категорий моряков.

Разумеется, сокращение ставок явилось непосредственным поводом к волнению. Но это не единственная причина этих волнений. По новому „бюджету экономии“ расходы по вооруженным силам Англии должны составлять 109 млн. фунтов стерлингов, из которых на флот падает почти половина. В общем, по сравнению с прошлым бюджетом новый дает только 5 млн. экономии, и эта экономия ложится исключительно на плечи низшего армейского и флотского состава. Вместо прежней оплаты в 4 шиллинга в день, по новым ставкам матрос будет получать только 2 шиллинга, тогда как адмирал, получающий в день свыше 6 фунтов, будет получать меньше лишь на 9 шиллингов. Это разительный пример „равномерности приносимых жертв“, которую демагогически проповедует новое правительство Макдональда.

Помимо экономических причин волнения английского флота, существуют еще и причины политические. Среди низших категорий военных моряков британского флота давно уже идет брожение, иногда приводившее к мелким бунтам на отдельных судах. Военным морякам приходится работать в исключительно тяжелых условиях:

помимо того, что моряки получают жалкую оплату за свой труд, их очень плохо кормят, а суровая военная дисциплина превращает их почти в рабов, нередко подвергающихся даже телесным наказаниям. Политические собрания и митинги совершенно запрещены, и виновные в участии в таких собраниях предаются военному суду.

В начале этого года возникли волнения на судне „Люция“. Волнения были быстро подавлены, а тридцать матросов понесли тяжелые наказания по приговору военного суда в Плимуте. Волнения произошли по вопросу об отпусках матросам. В октябре прошлого года был бунт среди моряков военного корабля „Ревенч“ из Средиземного флота. Судно находилось на рейде близ Ниццы, и часть матросов отказалась вернуться на борт судна по истечении их отпуска. Все эти матросы были выловлены в городе французской полицией и насильно доставлены на судно. Все эти недавние случаи в достаточной мере характеризуют настроение, господствующее среди моряков английского военного флота. Несмотря на резолюции протеста, вынесенные многочисленными рабочими организациями против тяжелого приговора по делу матросов „Люция“, „рабочее“ правительство не сочло нужным распорядиться о пересмотре этого приговора. Нынешнее „коалиционное“ правительство поручило следовательским комиссиям выяснить положение во флоте. Однако работа этих комиссий ведется в секретном порядке и не публикуется в прессе.

Как бы там ни было, английский рабочий класс многое вынесет из восстания моряков. Это восстание не является фактом местного значения, оно — непреодолимый показатель растущего революционного настроения среди трудящихся Англии. Это только звено в цепи возмущения против фашистского „национального“ правительства, желающего выкарабкаться из финансовой катастрофы за счет рабочего класса. Эти волнения показывают со всей ясностью рабочим, что политическая классовая борьба проникла и в ряды вооруженных сил Англии, что флот и армия состоят из рабочих, которые явятся в решающий момент союзниками пролетариата в их борьбе против капитализма и империализма.

АВАРИЯ ФРАНЦУЗСКОГО САМОЛЕТА

Очерк В. Трудового Фото Л. Гроцкого

То, что случилось в девять часов без пятнадцати минут 12-го сентября в устье р. Таныпа, взволновало весь мир.

Устье Таныпа—гнилое место. По извилистым берегам реки тянутся бугроватые луга, а желтые глинистые берега обросли кустарником.

Сегодня на Таныпе происшествие: разбился французский самолет „Тредейнион“.

Вот как описывает очевидец этой страшной катастрофы Моисеев, у которого после аварии на квартире жил оставшийся в живых летчик Дорре:

— Был сильный туман, моросил мелкий дождик и ослеплял глаза. В девять без пятнадцати я вышел на улицу и увидел низко летящий аэроплан.

Сделав полукруг, самолет быстро стал подниматься вверх, но потом вдруг закачался и начал падать. Раздался сильный гул, напоминающий пушечный выстрел. На небе я заметил белое облачко, это спускался человек на парашюте...

Спустившимся оказался французский летчик. Он не говорил ничего по-русски и только кричал:

— Алло! Алло! Париж!

В полутора километрах от места падения самолета, там, где впадает Танып в реку Белую, приютилось пять крохотных белевских барачков—это контора таныпского лесничества. К месту аварии подехал колхозник Фарифов, посадил спасшегося летчика на телегу и доставил его в контору лесничества.

В конторе лесничества—телефон, связывающий лесозаготовки с телеграфом. Летчик написал на французском языке телеграмму и сказал:

— Алло! Париж!

Люди, работающие на Таныпе, знают башкирский язык и латынь, но не знают французского языка. Телеграмма по буквам по телефону была передана в Красно-Холмское почтово-телеграфное агентство, а оттуда—в Москву...

Так мир узнал о страшной трагедии, разгравшейся в устье Таныпа.

Кулаки использовали это происшествие для своей агитации.

По башкирским деревням был пущен слух:

— Из облаков спустился антихрист, этот антихрист кладет печати на колхозников...

Люди степных башкирских деревень приезжали, приходили за сотни километров на место катастрофы и уходили отсюда с твердым убеждением, что никакого антихриста нет.

Но что случилось с самолетом?

Предоставим слово самому летчику.

„Самолет был сильно перегружен... Приближались Уральские горы. Мы решили повернуть на юг. Долетев до места, где

Этот вопрос был поставлен на карту.

Я крикнул—„парашют“...

Думая, что мои товарищи приготовились, я на высоте 80 метров выпрыгнул в воздух“.

Месменд, Лебри и Дорре перед полетом

разыгралась катастрофа, я заметил, что бензин в мотор стал поступать ненормально. Был сильный туман, а мелкий дождик ослеплял глаза...

из-под машины и представляли ужасное зрелище.

Колхозники, разглядывавшие изломанные крылья стальной птицы, говорили:

— Ежели бы эта штука на деревню упала, то от деревни и головешек не осталось бы...

Дорре после падения был помещен на квартиру служащего таныпского лесничества. Хозяин квартиры Моисеев, старый партизан, оказался заботливым хозяином. По ночам, когда завывал степной ветер, Моисеев вставал с постели и укутывал летчика в одеяло.

Временами между хозяином и гостем завязывалась своеобразная беседа.

Дорре знал только одно слово—„пятилетка“. Однажды он встал из-за стола и сказал:

— Пятилетка!

При этом слове он поднял ладонь руки над столом на пять сантиметров, а потом подпал ее к потолку и проговорил:

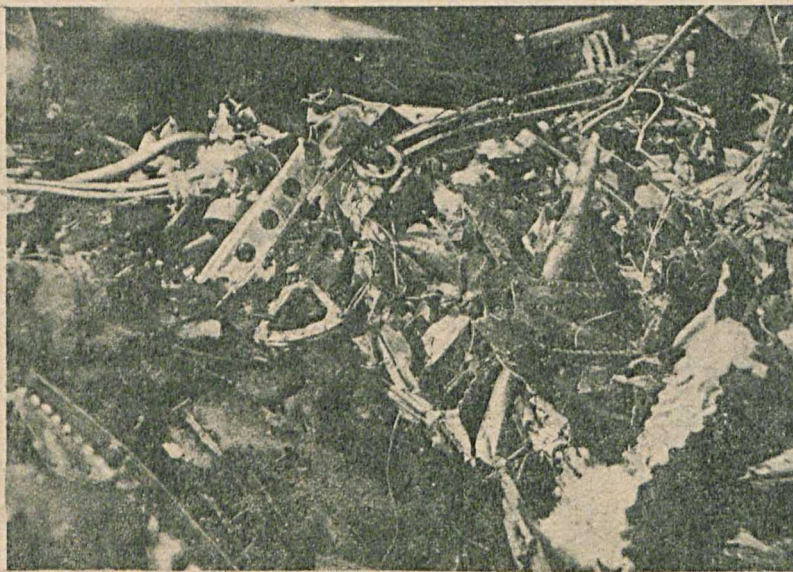
— Бон!!

Эти знаки выражали, что сейчас СССР маленький, через пять лет его не достанешь...

Авария на Таныпе—вторая авария французских летчиков Дорре и Лебри. Первая произошла под Верхнеудинском. Тогда Лебри и Месменд селились на парашютах, а Дорре посадил аэроплан на лес.

В этот раз кренкая рука Дорре дрогнула.

Он не достиг своей цели,—беспосадочного полета Париж—Токио.

Разбитый самолет, из-под осколков которого извлечены трупы погибших французских летчиков

Наступил критический момент... Садиться в туман, не зная местности,—дело рискованное. Как быть?

Место аварии французского самолета

ПАРИЖ—ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОГО ХУДОЖНИКА

На выставке картин *Сергея Кольцова* Репродукции *А. Шайхета*

Советский художник Сергей Кольцов был командирован Наркомпросом в Париж для работы. Небольшая выставка, занимающая уютный зал на Кузнецком мосту, посвящена одной теме: „Париж“.

Торговка цветами

Что же заинтересовало нашего художника в этой мировой столице? Элегантность больших бульваров, модная нестрота публики, прославленные дансинги и другие увеселительные места, кутищие рыцари доллара—американцы?

Нет, Сергей Кольцов увлекся не этой тематикой. Острый взор советского наблюдателя подметил другой Париж, который, конечно, мало интересует художников-французов, вынужденных искать сбыта для своей продукции у разбогатевших и самодовольных пуворишей. Париж Сергея Кольцова—вовсе не так уж весел. Это Париж безработных, пролетариев, бездомных проституток,—тех, кто так или иначе выброшен за борт капиталистического корабля жизни.

Кольцов меньше всего неинтересен. Вы не увидите на его этюдах зеленых бульваров, величественных зданий, дышащих ароматом истории—революции 1789 года или дней Коммуны. Художника заинтересовал, главным образом, живой человек. Он рисует уличного парижанина, чаще всего в движении. Улица как таковая служит лишь фоном, и то весьма редко. Вот, на-

пример, акварель „Конечная станция метро в рабочем районе“. Тут ждешь увидеть зияющую пасть парижской подземки, вагоны метро, переплетение путей. Ничего этого нет. Опять—головы, головы живых людей. Это—очередь, обычная на всякой конечной станции метро, и тут же малюет неприменная фигура „ажана“ (полицейского).

Сергей Кольцов не изображает веселых людей. Рассказы о „веселом, беззаботном Париже“—это область преданий. Изредка в его композициях мелькает фигура из того, романтического Парижа. Изредка

Закатившаяся звезда

еще заметишь в глухих переулочках Монмартра уцелевший экземпляр художника-романтика, и Кольцов зарисовывает его, закрепляет в своеобразных красках своей акварели. Художник конкретен в своих рисунках. Каждый из них—это маленькая новелла, которую только нужно уметь прочитать. Вот—„два друга“. Один—франтоватый, измызганный, издерганный—инвалид империалистической войны, другой—уже не в „парадном“, а в рабочем костюме: он уделел во время войны, и теперь он попрежнему или еще в большей мере должен быть рабом капиталистической эксплуатации.

Трудно исчерпать в этой заметке все обилие типов и образов, представленных Кольцовым. Основная масса его работ—

Безработная рабочая семья в морозы 1928.29 г.

акварель. Несколько скульптур и вещей маслом показывают, что творчество Сергея Кольцова достаточно разнообразно. В лице Сергея Кольцова мы имеем молодого, но

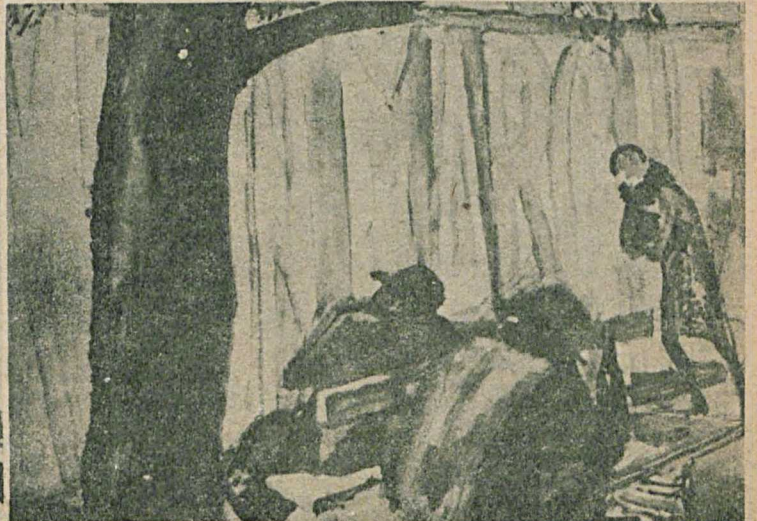
Механизированный поп

уже технически крепкого художника со своей, своеобразной индивидуальностью.

А. Д.

Уличные чемпионы

Обед на бульварной скамье

„ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ“

Театр-студия УМЗП под руководством Р. Н. Симонова

Молодая студия УМЗП показала первую большую свою работу. Мы очень часто были свидетелями первых успешных выступлений юных театриков, и так же часто они ограничивались одним спектаклем. Надо надеяться, что студия УМЗП не попадет в число этих неудачных начинаний, и что первый успех студии не будет последним. Внутренняя возможность роста для студии несомненна: об этом говорит основная направленность спектакля—его нужная творческая установка, побеждающая его недочеты; об этом говорит и состав театра, уже в этом еще неопытном спектакле показавший несколько талантливых, запоминающихся актеров. Об этом говорит и та упорная энергия, с которой коллектив студии боролся за свое существование. Право на спектакль студия взяла с бою. Ей пришлось расти в очень трудных условиях, без постоянного помещения, меняя хозяев, перекочевывая из одной администрирующей организации в другую, преодолевая материально-финансовые препятствия, до сих пор отражающиеся в необходимости скудного оформления спектакля. Только большая любовь и преданность делу помогли довести до конца спектакль, в котором, несмотря на все его трещины, уже проступают черты будущего театра. Надо думать, что та же строгость к своему мастерству остановит студию от пикантных увлечений первыми похвалами и сту-

дия не испытает „головокружения от успеха“.

А успех несомненен. Студия выбрала для первого спектакля „Таланты и поклонники“—Островского, пьесу о жестоком актерском быте 80-х годов, об экономическом и культурном неравенстве, о власти денег (одна из основных тем Островского). Студия сумела разглядеть в пьесе ее социальное зерно и, разгадав его, найти ему соответствующую сценическую форму. Режиссер (А. М. Лобанов) сгладил чувствительность Островского. Он отсекал черты патриархального эпоса и миролюбивого спокойствия, в котором до настоящего времени любил играть пьесы этого жестокого и мощного драматурга. Спектакль за бытописанием обнажил эпоху, эпоху нарождающегося капитализма, ее отражение в среде провинциальных помещиков, купцов и актеров. В этом смысле, как и в отношении режиссерских приемов, спектакль перекликается с постановкой Каверина „Без вины виноватые“ в студии Малого театра; у обоих театров общий подход, от которого

внешний верный эпохе рисунок роли, хорошо замыслив образ как „обличительный“, не наполнили еще их нужным внутренним содержанием, и оттого социальный и личный вред этих героев

Домна Пантелеевна—арт. В. Н. Благовидов

Мелузов—арт. Е. Забиякин

старая пьеса получилась намного более ядовитой, злой и обличительной, чем все ее предшествующие постановки. Деля пьесу на небольшое количество эпизодов, режиссура искала в каждом из них его действительного зерна и подчеркивала его внутренний смысл музыкой, мизансценами, остротой сценических характеристик. Так, театр сценически верно обострил те противоречия, в которых протекало актерское творчество провинциальной Руси,—противоречие между его мимией и притягательной свободой и подлинным бытовым морально-экономическим подчинением господствующему классу. И рассказ об этих противоречиях студия ведет со сцены со всей страстностью и взволнованностью современного художника.

Еще далеко не все безупречно в спектакле. Порою увлечение формальными приемами толкает режиссера и исполнителей на позерство и неудачную красоту, которой не избегает даже в остальном очень глубокая исполнительница главной роли Тарасова. Порою одобрительный смех зала заставляет еще неопытных актеров настойчиво нажимать в комедийных местах; в особенности это касается нарочитой и откровенно комической трактовки богатых „поклонников“ актрисы Негинной. Актеры, игравшие Бакина и князя Дулебова, отлично найдя

Пом. режиссера Нароков—арт. Ю. Т. Чернявленко

Островского казался преумноженным и их образы сниженными. Действительно: перед актерами стояла нелегкая задача, поставленная режиссурой: пробиться через толщу „предрассудков об Островском“ и по новому понять, охватить богатой, полнокровной сценической жизнью показанных им людей. Этого достигла Тарасова, обратившая Негину в фигуру, характерную для эпохи—так глубоко сидели в ее исполнении личная жизнь Негинной и социальная судьба молодой актрисы провинциальной царской России. Так же интересно, избегая примеси легко напрашивающейся чувствительности, играет Черноволенко, находя в облике и психологии разорившегося помещика-антрепренера черты его прошлого; хорошие характерные способности Благовидовой, актрисы яркой, но склонной к переигрыванию, дают ей возможность показать образ матери в чертах острых и сгущенных.

Кухарка Матрона—арт. И. В. Мураева

Режиссура и актеры открыли в наивной ткани старой пьесы жестокую эпоху возрастающей и поглощающей власти денег, тяжелого и горького света провинциальных кулис, эпоху самодурства и человеческого унижения. Свой экзамен студия выдержала. Ей нужно лишь еще с большей требовательностью отнестись к своим дальнейшим шагам, а общественности—поддерживать ее первые шаги, окружив новый театр заботой и дружеской творческой критикой.

П. Марков

Военная оккупация Манчжурии. Путь выхода из хозяйственного кризиса, японский империализм произвел оккупацию Южной Манчжурии. Военная оккупация проводится в целях дальнейшего закабаления китайских и японских трудящихся для усиления империалистического грабения Китая. Контрреволюционное правительство гоминданов не имел возможности оказывать

стрии. Лидеры фашизма во главе с доктором Фримером пытались использовать эти настроения трудящихся. Однако австрийская буржуазия не нашла нужным дать разгуляться событиям, так как организация хеймвера призна-

маяшая участие в путче, придерживается и глянкой ориентации, и поэтому французская биржа едва ли согласилась бы кредитовать новое правительство. Поэтому при участии социал-фашизма путч был ликвидирован и хеймверу не нанесено ни одного удара. Его отряды организованно ра-

зошлась, прежде чем революционные рабочие могли выступить для ликвидации и Фримера и его хозяев. На снимках: вверху — правительство в Леобене; внизу — правительственные солдаты охраняют улицу в Киалеберге.

Предвыборная борьба в Гамбурге. Предвыборная кампания к коммунальным выборам, развернувшаяся в Гамбурге, показала, что влияние компартии на германских рабочих неуклонно возрастает. Буржуазия и социал-фашисты, выступая единым фронтом против революционных

не будет угрожать жизни и имуществу граждан обеих сторон. Женевские дельцы уаконяют захват, грабеж, насилие и интервенцию, выносятся постыдное постановление об открытии грабеже Манчжурии. На снимках: вверху — улица в Мукдене, оккупированная японскими войсками; внизу — солдаты отступившей китайской армии на железнодорожной линии Мукден-Бейпин.

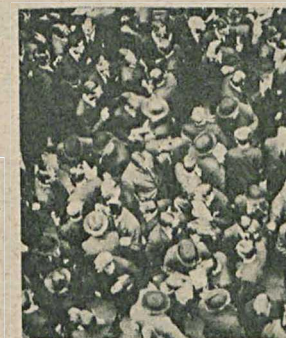
Неудавшийся путч австрийских фашистов. В середине сентября в Северной Штирии и в некоторых местностях Верхней Австрии и Зальцбурга фашистская боевая организация хеймвера попыталась устроить путч (насильственный переворот) и захватить власть в свои руки. Обострение внутриполитического положения Австрии, требование сокращения поддержки безработным и расходов на нужды социального страхования вызвали большое недовольство среди трудящихся масс Ав-

Столетие электромагнитной индукции. Исполнилось сто лет со дня открытия английским ученым Михаилом Фарадеем закона электромагнитной индукции. Этот закон, как известно, лег в основу развития современной электротехники и положил начало промышленному использованию электродвигателя. Великие открытия Фарадея получили действительно огромное осуществление не в странах загнивающего капитализма, а в СССР. По инициативе Института техники Комкадемии, юбилей научного открытия Фара-

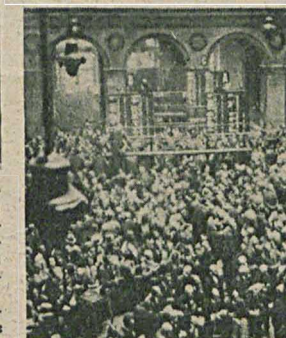

дей решено ознаменовать проведением широких торжественных заседаний в крупнейших научных и промышленных центрах Советского Союза. На снимке: Михаил Фарадей.

Финансовая катастрофа в Англии. Английское казначейство приостановило размен банкнот на золото, запретило

вывоз валюты и приступило к осуществлению ряда мероприятий, явно подготовля-

ющих инфляцию. Отказ от золотого стандарта нанес непоправимый удар Лондону как

мировому финансовому и торговому центру и обозначил дальнейшее ослабление международных позиций английского финансового капитала. Сообщение о прекращении операций английских бирж вызвало панику и на других европейских биржах. Обесценивание английской валюты повлекло за собой потерю Французского банка, который распластал обязательства в английской валюте на сто с лишним миллионов фунтов стерлингов.

На снимках: вверху — паника биржевиков в день закрытия лондонской биржи; внизу — парижская биржа в день получения известия об отказе Англии от золотого стандарта.

Чехо-словацкое студенчество в Миссо. В Москву прибыла делегация чехо-словацких студентов в составе 18 человек

Целью приезда делегации ознакомление с культурным и промышленным строительством Советского союза и с жизнью и учебной советских студентов. На снимке: чехо-словацкие студенты в гостях у московских вузовцев.

Дририабля в роли спасателя утопающих. На берегу Ланг-Айленда, близ Нью-Йорка, сделаны опыты спасения утопающих с помощью маленького дририабля. Дририабль особой системы, предназначенный для этой цели, имеют

возможность снижаться прямо на воду и оказывать помощь утопающим. В случае, если опыты дадут благоприятные результаты, ряд дририаблей малого размера будет нести постоянную службу по спасению утопающих близ берегов Нью-Йорка.

Дрожат за свои капиталы. Ввиду участвовавших в Америке налетов на банки, нью-

Йоркские банкиры застеклили окна касс своих операционных зал стеклами, совершенно

непроницаемыми для пули и даже ручных гранат. На снимке: полинейский испытывает крепость стекла, предназначенного для застекления окна банка в Нью-Йорке.

Преследование компартии в Германии. Недавно, по распоряжению берлинской полиции, президента Гржезинского, в доме Карла Либкнехта (помещение НК германской компартии) полиция конфисковала два ротопринта (машины для размножения печатного материала). Ротопринты служили для печатания циркуляров КПР.

На снимке: полиция грузит на автомобиль конфискованные ротопринты.

Травля против Александра Моисси. В последнее время австрийские фашисты подняли в своей печати травлю про-

тив знаменитого немецкого актера Александра Моисси, вследствие чего Моисси отказался от всех артистических выступлений в Вене и вообще в Австрии.

РАПП и ИНСТИТУТ ЛИЯ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
ВЫПУСКАЮТ НОВОЕ ИЗДАНИЕ

„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО“

„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО“

исходит в своей работе из ленинского указания о необходимости критического пересмотра и переработки культурного наследия прошлого. „Л. Н.“ разрабатывает с марксистско-ленинских позиций под углом зрения современности узловые вопросы истории русской общественной мысли, истории литературы и истории журналистики.

„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО“

публикует ненаданные материалы и документы по истории литературы и истории общественной мысли. Особое внимание „Л. Н.“ уделяет размышлениям и публикациям незадолго и ватеранного литературоведческого наследия классиков марксизма. В центре внимания будут стоять публикации материалов и документов, относящихся к истории и пред истории пролетарской литературы.

„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО“

впервые в литературе ставит задачу систематической и плановой разработки истории пролетарской печати, причем внимание „Л. Н.“ будет обращено на усвоение традиций большевистской журналистики и изучения роли Ленина как редактора.

„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО“

вводит отдел критических обзоров, которые будут знакомить читателей со всеми литературными новинками, относящимися к кругу вопросов, разрабатываемых нашим изданием. Особое внимание будет уделено анализу межуарного наследия прошлого, в настоящее время выпускаемого. Для обзоров систематически будут привлекаться историко-литературные издания Союзных республик, а также Запада и Америки.

Под редакцией Л. АВЕРБАХА,
В. ИПОЛИТА и Ф. РАС-
КОЛЬНИКОВА.

Издание богато иллюстрировано

Объем каждой книги 300 страниц.

Подписная цена 7 руб. 50 коп.
за 3 книги, цена отдельного номера в розничной продаже—
2 руб. 75 коп.

Подписка принимается почтой той и письмоносцами.

Редакция „Л. Н.“ и Журнал газ. объедин. (Москва 6, Страстной бульвар 11) принимают заявки на высылку 3 выпусков наложенным платежом за 7 р. 50 к. Пересылка за счет издательства

ЖУРН. ГАЗЕТНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ

ПРОФЕССОРУ ИОРГЕ НЕ НРАВИТСЯ

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВА БЕССАРАБЦЕВ
„КРАСНАЯ БЕССАРАБИЯ“

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР РУМЫНИИ АРЖЕТОЯНУ

тоже не выписывает „Красную Бессарабию“, несмотря на дешевизну журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес.—2р. 40 к.,
6 мес.—1 руб. 20 коп., 3 мес.—60 коп.,

ЗАТО КАЖДЫЙ БЕССАРАБЕЦ

должен быть подписчиком

„КРАСНОЙ БЕССАРАБИИ“

Трудящиеся СССР должны знать о жизни, страданиях и борьбе рабочих и крестьян Бессарабии и Румынии.

ЧИТАЙТЕ „КРАСНУЮ БЕССАРАБИЮ“

Журнально-газетное объединение.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ НА

„ВСЕМИРНУЮ ИСТОРИЮ“

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И РАССЫЛАЕТСЯ
ПОДПИСЧИКАМ ТРЕТЬЯ КНИГА
„ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ“:

ЗАСЛАВСКИЙ.—ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СЕВ.-АМЕРИКАНСКИХ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ.

Кроме этой книги, по первому взносу абонементной подписки на „ВСЕМИРНУЮ ИСТОРИЮ“—будет выслана еще одна (четвертая) книга.

Подписчики, уплатившие только первый взнос по абонементной подписке на журнал „ОГОНЕК“ или „ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ“ („ИСКРЫ НАУКИ“) или „БОРЬБА КЛАССОВ“ с приложением „ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ“, могут получить пятую и последующие книги „ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ“ в виде приложения к журналу „ОГОНЕК“ или „ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ“ при условии возобновления подписки на один из этих журналов с ноября с доплатой в 14 руб., а к журналу „БОРЬБА КЛАССОВ“—при подписке с ноября с доплатой в 15 руб. 75 к.

Новую подписку на полный комплект 24 х книг „ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ“ можно принимать за доплату 17 руб. 75 к. в качестве приложения к любому изданию Журнально-газетного объединения („ОГОНЕК“) с текущего месяца.

Журнально-газетное объединение.

„ТЕХНИКА В ПЕРИОД РЕКОНСТРУКЦИИ РЕШАЕТ
ВСЕ“.
(СТАЛИН)

БЛИЖАЙШИЙ ВЫПУСК СОЮЗКИНО НАУКА И ТЕХНИКА

КИНО-ЖУРНАЛ В 1 Ч.

(ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ КИНО-ЖУРНАЛА „НАУКА И ТЕХНИКА“)

- 1) Обмен опытом производственным опытом.
- 2) Пропаганда новых приемов и методов работы социалистической рационализации.
- 3) Показ изобретений, достижений науки и техники в СССР и за границей.

СОДЕРЖАНИЕ № 1

- I. Автогенная наплавка изношенных рельс.
- II. Советская автосцепка.
- III. В помощь велосипедисту—Рулепед.
- IV. Диринжабль на колесах.
- V. Гигантский ротор для Кузнецкстроя.
- VI. Первая советская летательная машина.
- VII. Советский 41-местный самолет „АНТ-14“.

Производство ф-ки Союзкинохроними.

ФОТО-ЛЮБИТЕЛИ

При съемках пользуйтесь только автофотомером „МИТГОЛ“—издания фото-сектора КУБУЧА (Ленинград, Мойка, 53)—это лучший прибор для определения экзотических (выдержки при съемке). В „МИТГОЛЕ“ выпуска 1931 г. впервые помещены таблицы для съемки при электрических лампах, что очень важно в зимнее время.

Требуйте „МИТГОЛ“ вып. 1931 г. во всех фотомагазинах СССР. Цена 1 руб. 25 коп.

ЧИТАЙТЕ

WORKERS
NEWS

ЗАОЧНЫЕ ГОСКУРСЫ РОСПИСИ (РАЗРИСОВКА)

по всевозможным тканям, стеклу, глине, коже, дереву, целлулоиду. Несмысл. роспись лапсом, рельеф, приемки, брызги, лаки, эмаль. Нераспыль. анилина. Мягкое золото. Прозрачн. рисунок. Трафарет. Батика. Роспись знамен. Декорации. Разнообразн. шрифты. В курсе свыше 400 рис. Краски выписываются: Ленинград, Мойка, 53, „КУБУЧ“. По оконч. выд. свидетельство. Подробн. высылка за 20 к. межд. маюк.

Москва, Сувар. площ., Панкратьевский пер. д. № 9/10.
ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ СОЮЗКИНО.

С 1-го ОКТЯБРЯ

ПОСЛЕ ДЕМОНСТРАЦИИ В
ЛЕНИНГРАДЕ, ВОРОНЕЖЕ,
ХАРЬКОВЕ И МИНСКЕ

СОЮЗКИНО ВЫПУСКАЕТ НА ЭКРАНЫ
Москвы, Баку, Грозного, Сталинграда,
Архангельска, Сталино, Киева, Кокчи и
Ростова и Д.
художественный звуковой фильм в 6 част

ОДНА

Сценарий и постановка
Г. М. Козинцева и Л. Э. Трауберга.
Музыка Д. Д. Шестаковича.
Оператор А. Н. Москвин.
Художник Е. Е. Еней.

В главных ролях:

Е. Кузьмина,
М. Бабанова,
С. Герасимов,
Н. Соболевский,
Ван-Люй-Сян.

Озвучание произведено на аппарате
системы А. Ф. Шорина.

Производство Ленинградской фабрики СОЮЗКИНО.

„НОТЫ— ПОЧТОЙ“

МОГИЗ

высылают наложен. платежом
БЕЗ ЗАДАТКА

САМОУЧИТЕЛИ

по нотной или
цифровой системе.

Для балалайки Илю-
хина Ц. 1 р. 50 к.

Для гитары 7 струн.
Иванова 3 р. 45 к.

Для мандолины Алек-
сандрова 1 р. 50 к.

Для гармонии 2-х
рядн. венск.-русск.-
нем. строя 21 кл.
12 бас Сергеева и
Голубева 1 р. 75 к.

Пьесы. от 6, 8, 10 к.
и дороже.

Альбомы на разные
цены.

Для баяна Гладко-
ва и Голубева . . . 2 р. 50 к.

Только по нотной системе пьесы
от 6, 8, 10 коп. и дороже.

Каталоги бесплатно.

Заказы направлять:
МОСКВА, Центр, Неглинная, 14 0

„НОТЫ—ПОЧТОЙ“.

ЦЕНТРИЗДАТ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

ЗИЛЬПЕРТ И АБРАМ

УЧЕБНИК АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Цена 2 р. 75 к.

Для вузов, втузов, рабфаков, рабочих
кружков и самообразования.

ЗИЛЬПЕРТ И АБРАМ

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

в 4-х выпусках:

- 1) День рабочего цена—35 к.
- 2) Моя первая английская газета . . . —40 к.
- 3) Пьеса (по Синклеру) —30 к.
- 4) Мировой экономический кризис —45 к.

Все выпуски снабжены постатейными
словарями.

ГЭЛУОРСИ. Рассказы. Цена—90 к.

Книги высылаются только наложенным платежом.

Задатки не принимаются.

Заказы направлять: Москва, Кузнецкий мост, 4.
КНИЖПОЧТА—ЦЕНТРИЗДАТ.

Вопросы В П О Л А

ПОЛОВОГО
ВОСПИТАНИЯ
В БРАНЕ И СЕМЬИ

Альбом в ТРЕХ ЧАСТЯХ
(более 1.300 рисунков)

Под редакцией профес. В. И. ТАЛКЕВА,
Н. Н. КОРДАНСКОГО, С. Я. ВОЛЬФ-
СОНА и при участии проф. Т. П. СА-
ХАРОВА и проф. Н. СОРОХТИНА.

К альбому прилагается
семь книг (1116 стр. текста).

Цена альбома в палке со всеми при-
ложениями 30 рублей. Высылается толь-
ко по полу. задатка не менее 10 р.
Москва, Г. С. П. 10. Моховая ул., д. № 26
ки. маг. Просвет. в-ва „ПРОМЕТЕЙ“.

Художественно-увеличенный ПОРТРЕТ

РОСКОШНО ОТДЕЛАННЫЙ ТУШЬЮ
исполняется с любой присланной кар-
точкой. Размер с паспорту 27×34 см—
4 р., 32×40—12 р., 44×53—17 р.,
54×68—25 р. тон сетки (коричневый)
на 25% дороже, в красках на 50%
дороже. Для красок указать цвет
волос, глаз, платья, Заказы выпол-
няются быстро и аккуратно по по-
лучении половины стоимости порту-
рета. Карточки возвращаются. За-
казы и деньги направлять:
Москва, 15, 2-я Хуторская ул., 11/0.
Маст. увел. портр. „Новый быт“.

БУХГАЛТЕРИЮ

можете изучить сами по само-
учителям Д. А. Писарева: 1) От
вместного и двойному сче-
товодству, 2) двойная бухгалте-
рия. К каждому из руководств
прилагается полный комплект
тетрадей и бланков для прора-
ботки всех упражнений и задач,
входящих в курс. Цена по 6 р.
за каждый курс (включая пере-
емку). Оба курса—12 руб.
Высылаются автором по полу-
чению вперед всей стоимости
или задатка в 2 р. Ленинград, 28,
Кирочная, 2 Д. А. Писаревскому.

ОБЩЕСТВО ПРОЛЕТАРСКОГО ТУРИЗМА ЭКСПЕДИЦИИ

ОТКРЫТА ЗАПИСЬ НА КРАЕВЕДНЫЕ
ЗИМНИЕ МАРШРУТЫ ПО СССР
УРАЛ

3 маршрута: 1) Свердловск—
Челябинск—Златоуст—Магнитогорск.
2) Свердловск—Тагил—
Надеждинск. 3) Пермь—Тагил—
Свердловск.

КАВКАЗ 4 маршрута по Закавказью и
Черноморью.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ 1 маршрут: Ташкент—
Самарканд—Бухара.

КРЫМ 1 маршрут: Бахчисарай—Сева-
стополь—Алупка—Ялта.

УКРАИНА 2 маршрута: 1) по механизиро-
ванному Донбассу. 2) Харь-
ков—Днепропетровск—Днепропетровск—Киев.

Запись на путешествия и
все справки производятся:

в Ленинграде, Москве, Смоленске, Иваново-
Вознесенске, Харькове, Нижнем Новгороде,
Казани, Самаре, Саратове, Воронеже, Сверд-
ловске, Ялте, Ростове и Дону, Тифлисе, Баку,
Ташкенте, Алма-Ате, Новосибирске, Хаба-
ровске, Иркутске и Минске.

Лица, проживающие в пунктах, не указан-
ных в настоящем перечне, записываются в
ближайшем от места жительства.

ВСЕ ДЛЯ ФОТО

ВЫПИСЫВАЙТЕ ФОТО-ТОВАРЫ ОТ

ФОТО-СЕКТОРА „КУБУЧ“

Ленинград, Мойка, 53.

Отдел иногородних отправок ЗНАЧИТЕЛЬНО РАСШИРЕН.
ВСЕГДА БОЛЬШОЙ ВЫБОР
ФОТО-МАТЕРИАЛОВ И ХИМИКАЛИЙ

Заказы выполняются скоро и аккуратно при полу-
чении задатка 50% стоимости заказа. ■ ■ ■
Прейс-куррант высылается за ДВЕ ПЯТНАДЦАТИКОПЕЧНЫЕ МАРКИ.

БЛИЖАЙШИЙ ВЫПУСК СОЮЗКИНО

ЗОЛОТОЕ ВРЕМЯ

Сценарий—В. Недоброва
Режиссер—П. Кириллов
Оператор—С. Жигачев
Художники—Л. Неймарк
К. Бондаренко

ПРОИЗВОДСТВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ К/Ф-НИ „СОЮЗКИНО“

СОЮЗКИНО ВЫПУСКАЕТ В ОКТЯБРЕ:

УЧЕБНО-ИНСТРУКТИВНЫЕ ФИЛЬМЫ:

ПР-ВО МОСКОВСКОЙ Ф-КИ
Сборка стандартного жилого дома (автор-оператор Б. Чувеский) — 2 ч.
Рациональное размещение строит. материалов на стройке режиссер Б. Чувеский — 2 ч.
О НАРДНО-НАРДНАЛЬНЫХ РЕФЛЕКСАХ (операция сердца) — 1 ч.

ПР-ВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ Ф-КИ
ИЗУЧЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЫБНЫХ БОГАТСТВ СССР — консультант Н. Тихий.
Редакция проф. НИПОВИЧА — 6 ч.
ЛЮБЕ МАШИНАЛЬНЫХ ДЕТАЛЕЙ ИЗ ЧУГУНА Режиссер Н. Галкин — 2 ч.

ПР-ВО СИБИРСКОЙ Ф-КИ
ПОСТРОЙКА ГРУНТОВЫХ ДОРОГ — 2 ч.
СОДЕРЖАНИЕ И РЕМОНТ ГРУНТОВЫХ ДОРОГ — 1 ч.

ПР-ВО БЕЛГОСКИНО
ДИРЕКТОР СТАНКА (об организации рабочего места на производстве). Работа ударной бригады № 9 по сценарию Б. Бродянского — 2 ч.

ПР-ВО УКРАИНСКОГО
ЭЛЕКТРОВАЗ (режисс А. Уманский) — 1 ч.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПАРА ОТ ТУРБИНЫ — 1 ч.

АГИТПРОФИЛЬМЫ:

ПР-ВО МОСКОВСКОЙ Ф-КИ
КРЕМАЦИЯ — работа Л. Градова — 2 ч.
ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ (труд воспитания в колониях для лишенных свободы) — режиссер Г. Широков — 6 ч.
ЗИМНИЕ ИГРЫ — реж. Леон Леткар — 3 ч.
НА КОНЫИ — реж. С. Л. Левит-Гуревич — 2 ч.

ПР-ВО СИБИРСКОЙ Ф-КИ
ХАНАССИЯ — режисс. Г. В. Воецель — 5 ч.
ПР-ВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ Ф-КИ
ПО ЗВЕРИНЫМ ТРОПАМ (охота на медведя) — 2 ч.
КИНО-МЕТАЯ № 3 (ватры. газета о борьбе за качество) — 2 ч.

ЗА ЖИЗНЬ РЕБЕНКА (борьба с детскими болезн. ми) — сценарий и постановка Н. И. Галкина — 2 ч.
ПРИЗЫВ (к призыву в РИКА) реж. А. Чигинский — 3 ч.

ПР-ВО УКРАИНСКОГО
ЛОДЫРЯМ КОНЕЦ (о распредел. доходов в колхозах) сценар. и рук-во Соколов — 2 ч.
ЛЮДИ СТЕПИ (сери на Хорсонице) режиссер Н. Шмаки — 3 ч.

МАЙ В ГОРЛОВНЕ — режиссер Г. Рошал — 5 ч.
РОЖДЕНИЕ ГЕРОИНИ (фабрики-кухни) режиссеры К. Игнатюк, А. Маслоков — 6 ч.
РАПОРТУЕМ — работа 1-й жен. удар. орг. — 1 ч.

ПР-ВО АЗЕРИНО
НУРБАН-БАЙРАМ — раб. ударной бригады — 2 ч.
УХОД ЗА ХЛОПЧАТНИКОМ — 3 ч.

ПР-ВО ВОСТОККИНО
ПО СОВЕТСКОЙ АБХАЗИИ (из кино-блонна О. Фрелих и Г. Блом) — 3 ч.
ВЕРНЫЙ ПУТЬ (о работе куст. артели) режиссер Наом Поздников — 3 ч.

ПР-ВО ГОСКИНОПРОМГУЗИИ
МАНДАРИНЫ (использ. земли в Аджаристане под мандарины, сады) реж. В. Митрофанов — 2 ч.

ПР-ВО МЕНДРАПОФИЛЬМ
ПОБЕДИТЕЛЬНАЯ ТОЛЬ — реж. И. Г. Трабский — 6 ч.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ ФИЛЬМЫ:
ПР-ВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ Ф-КИ
СОВЕТСКАЯ РЕНТГЕНОЛОГИЯ — режиссер А. В. Ивановский — 5 ч.

ПР-ВО ТУРМЕНФИЛЬМ
ШЕЛК — автор-оператор А. Гельгар — 5 ч.

ВОЕННО-ИНСТРУКТИВ. ФИЛЬМЫ:
ПР-ВО УКРАИНСКОГО
ПОДГОТОВКА СРЕДНЯ — реж. В. Павлов — 6 ч.
ПРОДОЛЖЕНИЕ БОЙМОВ ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРЕПЯТСТВИЙ ЗИМОЙ — режисс. Л. Андиполовский — 2 ч.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФИЛЬМЫ:

ПР-ВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ Ф-КИ
ВСАДНИКИ ВЕТРА — 3 ч.

ПР-ВО УКРАИНСКОГО
ЧАТУЙ (Будь на страже) реж. П. Долна — 6 ч.
ВСЕ СПОКОЙНО — реж. Д. Тажский — 7 ч.
КОНВЕЙЕР (Черная кожа) реж. П. Коломейцев — 6 ч.

ПР-ВО БЕЛГОСКИНО
УРАГАН — работа 1-й ударной бриг. имени ЦО КП(б) «Звезда» — 6 ч.

ПР-ВО МОСКОВСКОЙ Ф-КИ
МАНОМЕТР № 2. Реж. А. Роом — 5 ч.

ХРОНИКА

ПР-ВО АЗЕРИНО
ВЕЛОПОХОД (репорт нефтяников, выполнявших 5-летку в 2-й год). Автор-реж. Б. Цейруль — 2 ч.

ПР-ВО СОЮЗКИНОХРОНИКИ
ГОВОРЯТ ПРОЛЕТАРИ ТРЕХГОРНИ (работа В. Будяковича) — 2 ч.
ЭЛЕКТРОВАЗОД — 2 ч.

Журналы «НАУКА И ТЕХНИКА»
Союзкино-журналы 6 №№. За социал. деревню: 2 №№. Специальные журналы 2 №№. Пионерский 1 №. Журналы выездных ред.: 3 №№.

ПР-ВО МЕНДРАПОФИЛЬМ
ХУИ МЮД НА ПРАСИ. ПРЕСНЕ — 1 ч.

З В У К О В Ы Е Ф И Л Ь М Ы:

ПЕСНЯ О КАЗАКСТАНЕ (ТУРКИБ) пр-во Ленинградской фабрики — 1 ч.

КРАСНЫЙ СПОРТ
(ГОТОВ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ). Пр-во Союзкинохроники — 5 ч.

ТОММИ (пр-во Мендрапофильм). Сценарий и постановка Я. Протазанова — 5 ч.
АВТОДОРЕЦ (пр-во Московской фабрики. Режиссеры Ходатаев и Брумб) — 2 ч.

ВПЕРЕД К НОВЫМ ПОБЕДАМ
Пр-во Союзкинохроники — 1 ч.

КОНСТРУКТОРАМ ДИЗЕЛЕЙ

НЕОБХОДИМО ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ РУКОВОДСТВО.

К. КЕРНЕР

КОНСТРУИРОВАНИЕ ДИЗЕЛЕЙ

3-е издание, 608 стр., 744 рис., 11 лист. черт. Цена в п. 5 руб. 45 коп.

Содержит руководящие указания по проектированию дизелей обширный конструктивный материал по 4-х и 2-тактным дизелям.

Книга высылается наложенным платежом отделом «КНИГА-ПОЧТОЙ» при магазинах ЛЕНКОМЦЕНТРА: № 1 — Ленинград, Просп. 25 Октября, 28, или № 4 — Проспект Володарского, 64.

Сдавайте старую посуду

ВСЕ МАГАЗИНЫ (включая ТЭЖЭ) ДЕНЖИТ, магазины ЦРК и потребкооперации ПОКУПАЮТ ФЛАКОНЫ ИЗ ПОД ДУХОВ, ОДЕКОЛОНА, БАНИИ И ТУБЫ ИЗ ПОД КОСМЕТИКИ.

ПОРТРЕТ ТУШЬЮ КРАСИВО

с любой фотокарточки, размер с паспорту по ценам 32x40 сант. 15 р., 42x52 сант. 25 р., 51x63 40 р., с улаковой и пересылкой наложенным платежом. Нарточка возврат. Масса благодарн. и наград за 23 года работы. Харьков. п. ящик № 269. Студия худож. живописи МАЛЬЦОВА.

ПОРТРЕТ художествен. увеличенный

с любой фото-карточкой, размер с паспорту 32x40 сант. 15 р., 42x52 сант. 25 р., 51x63 сант. 40 р., тон сетки на 50 проц дороже в красках на 100 проц дороже (коричневый). С улаковой и пересылкой срок 20 дней. Нарточка возврат. Заказы вывезти. по получ. стокм. портрета. Москва, 29. Нововоленский пр. д. 35. кв. 1. худ. И. САЗИНОВУ.

ГРАФОЛОГИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

По диагностической методике Л. М. КОЖЕБАТКИНА в ГРАФОЛОГ-ЭКСПЕРТ Д. М. ЗУЕВ-ИНСАРОВ. Автор книги «ПОЧЕРК И ЛИЧНОСТЬ» и ГРАФОКОНСУЛЬТАНТ А. М. КОЖЕБАТКИН. ПРОИЗВОДИТ ГРАФОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЧЕРКОВ. ПО ПОЧЕРКУ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ: умственное и волевое развитие, способности, предрасположения; отмечаются сильные и слабые стороны характера и т. п. Лица, указавшие свой точный адрес и выславшие почерк в заказе, обязаны писать на любом яз. и безразлично что, получают подроб. характеристику. Оплату в сумме 5 р. высылать при заказе переводом. АДРЕС: Москва, 9. Аб. ящ. № 1242 0 — КОЖЕБАТКИНУ. Книга «Почерк и Личность» с характеристиками и отзывами тт. Лундзарского, Семашко, Максима Горького, Анри Барбюса и ряда др. высылается по особому запросу.

МЫЛО СТАРОЧНОЕ ЯДРОВОЕ. искусствен. ароматный ТАБАК, САХАР

каждый может приготовить для себя дешево простым домашним способом из сыроду имеющегося сырья. Один льсьмом. способ. выс. за 3 р., два — за 5 р., три — за 7 р. ИМБВ, почтов. ящик 32 0. автору Ашихмин.

ПОРТРЕТ ХУДОЖЕСТ. УВЕЛИЧЕН.

тушь высылать с любой фотокарточки исключ. работы при получении полностью 16 руб. с улаковой и пересылкой. размер с паспорту 32x40. исполн. скорее, карт. возвращается. Москва 47. Б. Грузинская 75 27. Худ. Фот. Л. В. САМОЙЛОВИЧ

ВСЕ О ФОТОЗАЙМЕ ЧИТАЙ В НОВОЙ МАССОВОЙ ЕЖЕДЕКАДНОЙ ГАЗЕТЕ

ФОТОКОР

орган Союзфото и ОЗПКФ

ПРИ ГАЗЕТЕ ИЗДАЕТСЯ МАССОВАЯ ПОПУЛЯРНАЯ «ФОТОБИБЛИОТЕКА»

Подписчики на газету с приложением библиотеки получают с каждым номером газеты одну книжку, 3 книжки в мес

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: Газета «Фотокор» — 12 мес. — 3 руб. 50 коп., 6 мес. — 1 руб. 75 коп., 3 мес. — 90 коп. Газета «Фотокор» с приложением библиотеки — 12 мес. — 10 руб., 6 мес. — 5 руб., 3 мес. — 2 руб. 50 коп. Подписка принимается исключ. почтой и письмомощами до определенного срока, установленного местной почтой.

Цена отдельного номера газеты — 10 коп.

Журналистическое объединение.